

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

— Фонд —
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

Институт востоковедения РАН

Материалы
Международной конференции
«Преподавание истории
в странах Востока»

VII Восточный экономический форум,
Владивосток, сентябрь 2022 года

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Предисловие. <i>Образовательная система – критерий суверенитета</i>	2
Чжан Цзяньхуа. <i>Изучения российской истории в Китае. Обзор и осмысление (1878–2015)</i>	5
А.В.Воронцов. <i>Особенности исторического образования в РК и КНДР</i>	33
Динь Нгок Бао, Нгуен Суан Чыонг. <i>Преподавание всемирной и российской истории в современных вьетнамских школах и вузах</i>	45
С.М. Дударенок, Чжао Хуэйцин. <i>Задача: знать и понимать. Изучение истории китайской диаспоры российского Дальнего Востока в России и в КНР</i>	53
Х. Баярма. <i>Преподавание истории в монгольских школах</i>	72
В. Ц. Головачёв. <i>Школьные учебники по истории в странах Азии в современной англоязычной научной периодике</i>	80
С.А. Ескалиев. <i>Вклад казахстанцев в великую Победу в учебных программах и учебниках истории Республики Казахстан</i>	90
В.А. Перминова. <i>1990-е годы: «обновление» памяти об антияпонской войне в Китае</i>	97
М.Г. Цыренова, Е.В. Нолев. <i>Знать общее наследие</i>	103
Гао Мингью. <i>История как предмет в школах Китая и России: сходства и различия</i>	118
З.Ш. Бердигожина. <i>Ресурсы школьного музея при изучении истории Казахстана</i>	124
Чу Тяньгэ. <i>Россия в программе преподавания истории для средней школы КНР</i>	128
Бай Сюэ. <i>Учебники истории в России и Китае: сходства и различия</i>	135

ПРЕДИСЛОВИЕ

Образовательная система – критерий суверенитета

5 сентября 2022 года во Владивостоке в рамках VII Восточного экономического форума состоялась Международная конференция «Преподавание истории в странах Востока».

Ставшая уже традиционной встреча историков на полях ВЭФ во Владивостоке была посвящена более чем актуальной теме – проблемам, задачам и особенностям преподавания школьной истории в государствах Дальнего Востока, Южной и Центральной Азии, а также в России. Организаторами мероприятия выступило Российское историческое общество и Институт востоковедения РАН при поддержке фонда «История Отечества». В конференции приняли участие представители восьми иностранных государств, а также российские преподаватели и учёные-историки.

Причины выбора вопроса преподавания истории в качестве темы для международной конференции историков на ВЭФ–2022 лежат в сегодняшней реальности. Текущие события освобождают нас от необходимости напоминать, сколь важную роль играют историческое образование и историческое знание для международного общения, для диалога культур.

В своём видеообращении к участникам конференции Председатель Российского исторического общества Сергей Нарышкин отметил: *«При выборе этой темы мы исходили из того, что историческое образование в школе — это связующая нить, передающая социальный опыт из поколения в поколение, ключевой инструмент формирования гражданской идентичности. Наличие у страны собственной образовательной системы, основанной на национальных традициях и методических подходах, всегда рассматривалось как критерий суверенитета. Одновременно с тем знание прошлого помогает*

обеспечивать диалог культур и цивилизаций, поддерживать атмосферу доверия в межгосударственных отношениях». «Россия по праву гордится своей системой школьного исторического образования и всегда готова к профессиональному диалогу в этой сфере», — подчеркнул он.

Модераторами конференции выступили член Совета Российского исторического общества, президент Российского государственного гуманитарного университета академик РАН Ефим Пивовар и доктор исторических наук, председатель Совета отделения Российского исторического общества во Владивостоке, директор ИИАЭ ДВО РАН Николай Крадин. Всего на конференции работало 8 подсекций, каждая из которых была посвящена отдельному региону – Китаю, Казахстану, Вьетнаму, Индии, Корейской Народно-Демократической Республике, Монголии, Пакистану и Таиланду. Участники дискуссии обсудили вопросы соотношения национальной и всемирной истории в контексте образовательных программ, а также вызовы, стоящие сегодня перед историческим образованием в школах и вузах.

Опыт последних лет показывает, что присутствие историков на ВЭФ важно для успешного развития экономического сотрудничества, политического и дипломатического взаимодействия, ведь понимание истории, культуры, традиций другой страны способствует налаживанию конструктивного диалога. В контексте истории – и как науки, и как учебного предмета – большую роль играет понимание того, как партнеры представляют исторические процессы, причины и следствия тех или иных событий. Важно увидеть и то, каким образом в так называемом «массовом сегменте» изучаются те или иные страницы прошлого. Российские историки хорошо осознают: различия в восприятии прошлого в разных странах безусловно присутствуют, но для эффективного межгосударственного сотрудничества нужно относиться к такой ситуации с доброжелательным исследовательским интересом.

Организаторы конференции стремились акцентировать внимание на *ценности исторического опыта* для выстраивания мирного будущего и содействия устойчивому развитию. Участники мероприятия смогли обменяться опытом в сфере исторического образования и создания учебной литературы для преподавания истории, сравнить структуру и направленность учебных программ, обсудить задачи модернизации в этой области, сравнить правовые акты, регламентирующие содержание учебников по истории. Отдельной темой, вызвавшей большой интерес участников и слушателей конференции, стала проблематика российской/советской истории – её присутствие в образовательных программах и учебниках истории стран Азии.

Материалы международной конференции «Преподавание истории в странах Востока», предлагаемые вниманию читателей, убедительно свидетельствуют: именно школьное образование формирует картину мира целых поколений, закладывает базовые знания о причинно-следственных связях в глобальной политике, «положительных» и «отрицательных» исторических прецедентах. Чтобы понять, каким будет образ мыслей лидеров будущего, достаточно уже сегодня заглянуть в школьные программы и учебники по истории.

Чжан Цзяньхуа,
*Профессор Факультета истории
Пекинского педагогического университета,
Китай*

Изучения российской истории в Китае. Обзор и осмысление (1878–2015)

Российская история как научная дисциплина возникла в Китае одновременно с национальным государством и формировалась под влиянием мировой ситуации. С самого начала она ориентировалась на три аспекта: научный интерес, национальную стратегию и учебный процесс. Если мы примем «Краткий курс истории России» под редакцией и в переводе Луцзян Цицзижэня 1878 года за отправную точку, то можем сделать ввод, что данная дисциплина имеет в Китае уже 140-летнюю историю. Если же начинать отсчет от «Истории России», написанной Лоу Чжуансином и вышедшей в издательстве «Чжунхуа» в 1933 году, то ей 85 лет. Как бы то ни было, этот период был замечательной эпохой, когда изучение и преподавание российской истории уверенно двигались вперед. Высоко оценивая развитие этой области знания в Китае¹, необходимо обратиться к обзору и осмыслению академического поля деятельности в этой сфере в течение ста лет и выявлению итогов этой работы.

¹ В китайской науке повсеместно проводится деление на «российскую историю» (закончившуюся в марте 1917 года) и «историю Советского Союза» (март 1917 – декабрь 1991 года). В то же время, эти два периода обычно обозначаются одним термином «российская история» как в европейско-американской науке, так и в современной России. Для удобства в настоящей статье термин «российская история» включает в себя и историю Советского Союза, но в случае необходимости эти два периода будут разделяться.

Ранний этап аккумуляции общественных знаний по российской истории и их целевая ориентация

1. До XX века

Если в золотоордынский период XIII-XV веков Китай и Русь поддерживали тесные отношения, то в течение последующих столетий они были разделены, почти изолированы и мало что знали друг о друге. Правительства династий Мин и Цин долгое время воспринимали русских как потомков Золотой Орды и называли русского царя «ханом Кипчак» и «Золотым ханом». Но после подписания в 1727 году Кяхтинского договора правительство Цин стало называть его «русским монархом».

Когда в 1640-х годах Россия отодвинула свою восточную границу до западного побережья Тихого океана, Китай и Россия вступили в контакт и конфликт друг с другом в районе реки Аргунь, Станового хребта и реки Амур. Россия стала главной угрозой для северного Китая, а казаки – главным врагом для империи Цин. Соответственно, китайское правительство и общество желали узнать больше о России, её национальном характере и истории. В результате появился ряд сочинений о России в форме записок путешественников, дневников, заметок, авторами которых были в основном чиновники Цин, путешественники, купцы и люди свободных профессий. Поэтому информация, сообщаемая ими, была, по сути, общественным знанием, она касалась официальной политики, географии и страных обычаев. Правильнее было бы определить её как разрозненные воспоминания, а не как результат систематического исследования.

В 1688 году (27-й год правления императора Канси) правительство Цин отправило в Россию делегацию Сонготу, её член Чжан Пэнхэ составил «Записки о путешествии делегации в Россию», известные также под названием «Дневник в Мобэе», или «Дневник делегации в Россию». А Цянь Лянцзэ написал «Обзор выхода за пределы границ». Оба эти сочинения являются самыми ранними работами, предоставляющими сведе-

ния о России в китайской литературе. Кроме того, Юй Чжэнсе (1775 – 1840) написал ряд книг, таких как «Анализ русского цзолина», «Русские дела», «Длинная рукопись и постскрипtum российской истории», «Лоча» и др. «Экзотические записки» Тулишэня, «Краткая история Лунша» Фан Шицзи (около 1716 г.) и «Краткая история Суйфу» Сун Юня (1752 – 1835) также упоминают Россию.

После Опиумной войны географ Хэ Цютао (1824 – 1862) создал шеститомное сочинение, озаглавленное «Компиляция северной границы». На основании его он составил монументальную коллекцию в 80 томах с подробными иллюстрациями, которой император Сяньфэн дал название «Шофан бэйшэн». Это первая монография в Китае Нового времени, в которой речь идет об отношениях между Китаем и Россией. Хэ Цютао также внес поправки в «Русские дела» Юй Чжэнсе. Известный современный историк Бай Шоуи высоко оценил вклад Хэ Цютао, наряду с Чжан Му, Линь Цзэсюем и Вэй Юанем, сформировавших новый подход к научному изучению темы, открывших новое исследовательское поле и отразивших пульс времени в своих культурологических работах, имевших значительный отклик². В 1878 году автор по имени Луцзян Цицзиньжэнь сделал выдержки из разных книг, написанных русскими, перевел их и включил в «Краткую историю России». В предисловии редактора он сформулировал цель этой работы: побудить китайский народ оценить важность внешних сношений, подчеркнув, что «восточная граница России – это северо-западный Китай». И добавил предупреждение: «Без бдительной защиты трудно будет справиться с событиями, которые могут произойти в будущем, если откроется путь к ним»³.

Во времена увлечения Западом во второй половине XIX века, Линь Цзэсюй курировал перевод русской «Повести временных

² Очерки по общей истории Китая. Бай Шоуи, ред. Шанхай, 1980 С. 402

³ Краткий курс истории России. Луцзян Цицзиньжэнь, ред. и пер. Гонконг, 1878 С.85–86.

лет», включенной в «Географическое описание заморских государств» («Хайго тучжи») Вэй Юаня. Лян Цичао написал для этой книги предисловие, озаглавленное «Военные записки в России» (1897), переведённые Тан Жуюем. В 1902 году была переведена с японского «История восточного распространения казаков», а также «История русского вторжения в Азию», первая часть которой была написана Сата Хироси, а вторая – британским автором в Шанхае. В 1903 году в Шанхае была переведена и опубликована двухтомная «История России» Ямамото Рикио. В предисловии переводчики писали: «Сегодня те, кто знает положение дел, должны признать, что Россия – это тигр и волк», «Перед тиграми лучше отступить и склониться, чем прятаться от них», «...с проведением Сибирской железной дороги войска двинулись на юг, и первым будет атакован Китай. Если вы не знакомы с положением дел в стране и с её народом, защита напрасна»⁴.

В упомянутых выше путевых записках, а также в прочих сочинениях и переводах внимание сосредоточено в основном на решении вопросов границ и на проблемах безопасности во внешней политике, рассматриваемых преимущественно в административном аспекте. Их содержание в основном относится к китайско-русской границе, и личный опыт большинства авторов связан с регионами Внешней Монголии и Сибири. Никто всерьёз не исследовал европейскую часть России или политические, экономические и культурные центры Российской империи, и уж тем более не сосредотачивал внимания на двух её столицах, Москве и Санкт-Петербурге, поэтому глубокое введение в проблему отсутствовало, равно как и рефлексия на тему русской культуры и общества.

Биньчунь (1804 – 1871), первый китаец, посетивший западные страны, человек с реальным знанием европейской России, вождь начальника таможи Харта в его почти четырехмесяч-

⁴ История России. Ямамото Рикио, Май Динхуа, пер. Шанхай, 1903 С.1 – 3, 4

ном визите в Европу. О Санкт-Петербурге он писал: «...в силу его национального разнообразия, широких улиц, 50 миль окружности, высоких павильонов, великолепного дворца и населения в 536 тысяч человек его можно назвать венцом столиц всех стран...»⁵. Россия в сочинении Биньчуня стала первым официальным опытом описания русского «национального образа» китайским ученым.

2. Первая половина XX века

В начале XX века, когда и Китай, и Россию всколыхнули революционные волны, прогрессивные китайцы и все слои общества обратили свой взор на Российскую империю, которая уже перестала быть для них неизвестной страной. После публикации в Шанхае в 1903 году «Биографии трёх героев русской нигилистической партии» и «Биографии убийцы русского императора Александра» одна за другой появились несколько статей, восхваляющих русских радикальных революционеров, таких, к примеру, как Софья Перовская.

Обе революционные политические силы в Китае, Гоминьдан и Коммунистическая партия, стали размышлять над тем, как Китай может отреагировать на события в России, какими могут быть последствия российского влияния: Россия может стать учительницей или другом Китая; Китай может стать союзником России, он может присоединиться к России и к коммунистам, Русская революция 1917 года может рассматриваться как будущий путь Китая, а советская система восприниматься как модель или ориентир будущей государственной и политической системы Китая.

В 1928 – 1930 годах в Шанхае были переведены и опубликованы «История Русской революции» Ямаути Хоусукэ и «Русская история» М.Н. Покровского. В 1933 году в Шанхае в ежемесячнике «Материк» появился труд Г.В. Вернадского «Современная

⁵ Биньчунь. Путевые заметки. Чанша, 1985 С.40–41.

история России». Переводчик Тао Юэ в предисловии подчеркнул, что в книге не ставится цель ни преуменьшить достижения советской системы, ни скрыть ее недостатки⁶. В 1937 году в издательстве «Шанъу иньшугуань» появилась «История России» Вернадского в серии «Всеобщая библиотека» под редакцией Ван Юнью; предисловие написал Цай Юаньпэй, отметивший, что «если мы хотим понять современную Россию, нам в высшей степени необходимо изучать её историю»⁷.

Тем не менее, в начальный период существования Китайской Республики никто в университетах и научных институтах не изучал и не преподавал российскую историю. В 1932 году на историческом факультете Университета Цинхуа в Пекине впервые был утвержден курс современной российской истории; читал его Джон Ян Гапанович. Хэ Чжаоу, в то время студент Университета Цинхуа, упоминает Ростовцева, знатока истории древнего мира, как учителя Джона Яна Гапановича. Он пишет о последнем: «После Октябрьской революции он эмигрировал в Соединенные Штаты... Когда началась Первая мировая война, Джон Ян Гапанович был призван на военную службу. После Октябрьской революции он преподавал во Владивостокском университете на Дальнем Востоке... В дальнейшем он перебрался в Китай и в начале 1930-х годов преподавал западную и российскую историю в Университете Цинхуа. Он также читал лекции по европейской колонизации заморских территорий и по военной истории. Джон Ян Гапанович не владел китайским языком и все свои лекции читал по английски»⁸. Можно предположить, что основными курсами Гапановича были западная история и историография, и что российской истории он касался лишь иногда.

Курсы, целиком посвященные российской истории, появи-

⁶ Вернадский Г. Современная история России. Тао Юэ, пер. Шанхай, 1933 С. 1–2.

⁷ Вернадский Г. История России. Чжоу Синь, пер. Шанхай, 1937 С.1.

⁸ Хэ Чжаоу. Школьные записки. Пекин: Издательство «Саньянь». 2006 С. 121

лись в университетах Китайской Республики лишь в 1936 году, первый курс был прочитан Лу Миндэ на историческом факультете Пекинского университета. В августе 1937 года Национальный центральный университет переехал в Сычуань. Получив образование в Лондонском университете, Шэнь Ганбо вернулся в Китай и читал курсы по истории, в том числе по истории России.

Издание сборников научных статей по российской истории началось в Китайской Республике публикацией «Российской истории» издательством «Чжунхуа» в 1932 году. Редактором был известный международный специалист Лоу Чжуансин. В качестве ответа на полемику, развернувшуюся в китайском обществе, относительно того, стоит ли ненавидеть Советский Союз или подражать ему, Лоу Чжуансин заявил, что решение может быть принято только после тщательного изучения процессов, связанных с Русской революцией и созданием Советского Союза⁹. Профессор Гу Гуи Чжэцзянского университета в 1935 году опубликовал «Обзор российской истории». В 1939 году Хэ Наньвэнь, учившийся в Коммунистическом университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена в Москве, опубликовал в издательстве «Шанъу иньшугуань» двухтомную «Историю России» в качестве учебника для китайских студентов. В 1942 году Ян Юцзюн отредактировал и опубликовал «Историю создания Советского Союза». В предисловии автор писал: «Сегодня Китаю предоставляется новая возможность создать нацию... При написании этой книги автор ставил перед собой задачу дать краткое описание особенностей Советской революции и формирования этой нации в качестве примера для Китая...»¹⁰.

В сентябре 1945 года «Краткий курс истории СССР», напи-

⁹ Лоу Чжуансин. История России. Шанхай: Издательство «Чжунхуа». 1935 С.1.

¹⁰ Ян Юцзюн. История создания Советского Союза. Нанкин: Издательство «Чжэнчжун». 1942 С.1.

санный советским историком А.В. Шестаковым, был переведен и опубликован Чжан Чжунши под эгидой Центрального органа Коммунистической партии под новым названием – «Доклады по истории Советского Союза». Эта книга, изданная в «освобожденных районах», стала самой ценной и важной публикацией по советской истории наряду с «Кратким курсом истории ВКП(б)».

В этот период цель переводов работ по российской истории была вполне очевидна. Прогрессивные деятели пытались заимствовать советско-русский опыт раздувания «революционного пожара» в надежде перенести – для страны и нации – Русскую революцию в Китай, но не саму русскую историю. Выражение «революционный пожар» обозначало осведомленность общества относительно российской истории и советской/российской политики на массовом уровне в то время, когда ученых, изучающих российскую историю, еще не было. Более того, в ряде других работ того времени большой пласт информации, адресованный китайской публике, происходил не из оригинальных источников, т.е. не непосредственно из России, а из переводов японских, английских или французских работ. Поэтому нередко информация была искажённой.

Введение и развитие российской истории как дисциплины после образования Нового Китая

1. Первое поколение ученых и изучение российской истории до 1980-х годов

С августа 1951-го по август 1964-го года Китай отправил 8357 студентов на учёбу в Советский Союз¹¹. За время их учебы они получили систематическую профессиональную подготовку в области истории. Вернувшись в Китай, они поступили на работу в университеты и научные институты, став первым поколением специалистов по российской истории в Новом

¹¹ Вернадский Г. История России. Пер. Чжоу Синь. Шанхай, 1937 С. 1

Китае.

В то же время, Министерство образования организовало курсы по российской истории в Китайском народном университете в Пекине и Северо-восточном педагогическом университете в Чанчуне, пригласив историков из Советского Союза читать лекции и руководить дипломниками. Группа молодых студентов получила основательную профессиональную подготовку и по окончании учебы пополнила ряды первого поколения специалистов по российской истории в Новом Китае.

В это время основной целью китайских историков, изучающих Россию, был перевод работ советских историков, а также составление и публикация сборников по общей и экономической истории¹². Эти переводы сыграли важную просветительскую роль для первых двух поколений специалистов по российской истории.

В середине 1960-х годов в результате изменений в китайско-советских отношениях и международной ситуации в целом Центральный комитет Коммунистической партии Китая предложил уделять больше внимания исследованиям по мировой истории и международным проблемам. Это привело к созданию научных институтов, занимающихся изучением истории

Советского Союза и китайско-советских отношений. В 1964 году в Китайской Академии наук был создан Институт мировой истории, а также Центр исследований социалистической истории (позже переименованный в Центр исследований

¹² Чжан Жунчу и другие ученые перевели трехтомную «Историю СССР» А.М. Панкратовой (Пекин, 1955). Отдел компиляции Китайского народного университета перевел двухтомную «Историю народного хозяйства СССР» П.И. Лященко (Пекин, 1954, 1959). Цинь Вэньюнь и другие ученые перевели курс лекций «Историю народного хозяйства СССР» Ф.Я. Полянского (Пекин, 1964). Шумин перевел монографию «Отмена крепостного права в России» П.А. Зайончковского (Пекин, 1957). Гуан Цидун и другие ученые перевели «Историю СССР» М.В. Нечкиной (Пекин, 1957, 1959).

истории Советского Союза и Восточной Европы). В 1977 году Институт мировой истории был переименован в Институт мировой истории Китайской Академии общественных наук. В 1965 году Китайская Академия наук вместе с Международным отделом Центрального комитета КПК создали Институт Советского Союза и Восточной Европы, перешедший в подчинение Китайской Академии общественных наук в 1981 году.

Научные отделения по изучению Советского Союза возникли одно за другим в разных учреждениях, в том числе в отделениях Академии наук в северо-восточных и северо-западных провинциях, в автономных регионах и в Шанхае, ряде университетов в Пекине, Шанхае и в северо-восточном регионе, в Партийной школе ЦК КПК, Партийной школе комитета КПК провинции Хэйлунцзян, Партийной школе комитета КПК провинции Цзилинь, в Министерстве иностранных дел, Министерстве международной торговли и экономической кооперации, Министерстве культуры и Международном отделе ЦК КПК.

В связи с изменениями в китайско-советских отношениях вышеперечисленные организации преследовали национальные интересы и использовали дипломатические стратегии. В конце 1970-х годов появились такие характерные для того времени исследования Советского Союза и российской истории, как четырехтомное издание «Русское вторжение в Китай», опубликованное в Народном издательстве в 1976 – 1978 годах под грифом Института современной истории, двухтомная «История агрессии и экспансии царской России», опубликованная в Народном издательстве в 1979 и 1980 годах (оба изданы историческим факультетом Пекинского универ-

¹³ Рабочие, крестьяне и солдаты, специализировавшиеся по мировой истории на историческом факультете Пекинского университета, составили коллективный труд – «Краткую историю агрессии и экспансии царской России» (Пекин, 1976). Ли Цзитан написал «Средства агрессии царской России против Китая в

ситета), а также другие работы о русском вторжении в Китай¹³. Кроме того, издавались работы для внутреннего пользования, переведенные с русского и английского языков¹⁴.

В ноябре 1978 года в Китае было создано Китайско-российской историческое общество.

Перечисленные выше достижения отмечают пик деятельности первого поколения ученых, изучавших российскую историю после 1949 года. Вместе с тем, эти исследования имели отчетливую установку на то, что роль Академии заключалась в оказании помощи национальной политике. То, что академическая деятельность была организована в формате командной работы, также до некоторой степени определило отбор разрабатываемых тем. Книг, написанных отдельными авторами, равно как и работ индивидуального стиля, не было.

2. Реальное формирование первого поколения ученых и российская история как дисциплина в 1980-х годах

Реформы, постепенное открытие страны и процесс развития

районе Средне-восточной железной дороги» (Харбин, 1979). Любительская группа рабочих, крестьян и солдат в регионе Хэйхэ провинции Хэйлунцзян и Группа по истории и географии Китайской Академии общественных наук составили «Историю крови и огня: зверства царской России, оккупировавшей шестьдесят четыре деревни к востоку от реки Амур» (Пекин, 1977). Ши Дацин написал «Свидетельства оккупации царской Россией более чем миллиона квадратных километров территории северо-восточного Китая» (Пекин, 1977). Книга «Царская Россия и Северо-восток» была начата в 1970-х годах, но издана была под редактурой Тун Дуна лишь в 1985 году.

¹⁴ К примеру: «Русская экспансия на Восток» американского историка Ленса (пер. Ян Шихао, Пекин, 1978); «Казачи на Амуре» советского историка С.В. Бахрушина (пер. Хао Цзяньхэн и Гао Вэньфэн, Пекин, 1975); «По Уссурийскому краю» В.К. Арсеньева (перевод сделан в Хэйлунцзянском университете, Пекин, 1978); «Россия в Маньчжурии» советского историка Б.А. Романова (пер. Тао Вэньжао, Пекин, 1980).

науки создали новый потенциал академического роста для первого поколения ученых, изучавших российскую историю в Новом Китае. Исследователи взяли на себя историческую миссию и ответственность за создание дисциплины российской/советской истории: переводили соответствующую литературу, писали специализированные учебные пособия, готовили кадры, публиковали научные работы и занимались популяризацией знаний по российской истории.

Российская история как независимая дисциплина появилась в Китае в начале 1980-х годов. В это время официально планировались и координировались ряд процессов: реализация важных проектов, создание исследовательских команд, публикация переводов.

Одним из символов этой деятельности стала разработка учебных программ. В это время в ряде университетов в Пекине, Шанхае, на северо-востоке и северо-западе страны стали вводиться такие курсы, как «Российская история», «История Советского Союза», «История китайско-российских отношений». Исторический факультет Пекинского университета и Институт мировой истории Китайской Академии общественных наук начали набор аспирантов для изучения истории России и Советского Союза.

В апреле 1985 года Шэньсийский педагогический университет создал китайскую Ассоциацию по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы, которая была зарегистрирована Министерством гражданской администрации как общенациональное общество высшего уровня; его первым председателем был Чэнь Чжихуа (1985-2000)¹⁵. В сентябре того же года редакторский отдел изданий по мировой истории опубликовал в издательстве «Саньянь» «Сборник статей по современной советской истории», первый сборник статей по

¹⁵ Следующими председателями были: У Эньюань (2000–2005), Юй Пэй (2005–2010), Яо Хай (2010–2018), Чжан Шэнфа (2018–).

российской истории, написанных китайскими учеными. Таким образом, 1985 год стал поворотным моментом, отмеченным созданием в Китае российской истории как отдельной дисциплины, а также профессиональных исследовательских групп в этой области.

Усилиями ученых в 1980–1990-х годах были достигнуты многочисленные выдающиеся результаты, ознаменовавшие второй (с 1949 года) пик в изучении российской истории. Следует отметить, что впервые количество научных исследований превысило количество соответствующих переводов. В число этих исследований входят двухтомный «Компендиум общей российской истории» Сунь Чэнму, Лю Цзуси, Ли Цзяня (1986) и «Обзор истории Советского Союза (1917 – 1937), (1953-1964)» под редакцией Чэнь Чжихуа (1991, 1996) – работы, которые и поныне не утратили своей значимости. В это время был опубликован ряд монографий на отдельные темы, например, по истории русской политической системы, русской культуры и русского военного дела, а также региональные истории (например, Сибири), биографии важных деятелей, исторические словари¹⁶.

Кроме того, был издан ряд книг о знаменитых русских исто-

¹⁶ Согласно неполной статистике, работы этого периода включают в себя: «Советский Союз при Брежнев (1964–1982)» (Пекин, 1998); Ма Шаньлун, «История развития культурной системы Советского Союза» (Пекин, 1996); Сунь Чэнму, «Тысяча лет русской культуры» (Пекин, 1995); У Чунью, «Краткая история русского военного дела» (Пекин, 1983); Сюй Цзинсюэ, «История Сибири» (Харбин, 1991); Чэнь Чжихуа, «Биография Кропоткина» (Пекин, 1986); Ли Сяньжун, «Биография Бакунина» (Пекин, 1983); «70 лет советской политической и экономической системы», под ред. Лю Кэмина и Jin Hui Ли Хуэя (Пекин, 1991); Лю Чжи, «Исследование советского социалистического пути» (Сиань, 1989); Чжан Хунжу, «Размышления об истории Советского Союза» (Пекин, 1988); Вэнь И, Е Шуцзун, «Биография Бухарина» (Чанчунь, 1988); Тао Хуэйфэн, «Европеизация: реформы Петра Великого в России» (Юйлин, 1996); «Словарь по истории Советского Союза» (Чанчунь, 1991).

рических деятелях и событиях, например, «Анналы российской истории» в серии «Зарубежная история», издаваемой издательством «Шаньбу иньшугуань». Согласно неполной статистике, с 1978-го по 1999 год китайские ученые опубликовали более 380 работ по российской истории. До начала XXI века историки первого поколения продолжали усиленно трудиться и писать важные работы, несмотря на то, что многим из них было уже за восемьдесят¹⁷.

3. Появление ученых второго поколения

После 2000 года китайские исследования по российской истории перешли в новую фазу развития и привели к третьему пику в области изучения российской истории в стране. Это явление было обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, сформировалось второе поколение специалистов по российской истории, которое приняло эстафету от первого. Большинство из них учились у историков первого поколения, у которых они приобрели систематические научные знания в магистерских и докторских программах. Некоторые из них вошли в состав второго поколения ученых после своего возвращения из СССР или России, где проходили обучение.

Во-вторых, продолжающаяся образовательная реформа и совершенствование академической среды вызвали повышен-

¹⁷ Согласно неполной статистике, работы этого периода включают в себя: Чэнь Чжихуа, «Исследования по историческому материализму и русской истории» (Пекин, 2014); Ван Синь, «Россия и Европа: перспектива истории международных отношений» (Пекин, 2014); Ма Шаньлун, Лю Цзянго, «Русский популизм и его мировое влияние» (Юйлинь, 2013); Лу Наньцюань, Хуан Цзунлян, Чжэн Ифань, Ма Шаньлун, Цзо Фэнжун, «Правда о Советском Союзе: размышления о 101 важной проблеме» (Пекин, 2010); Лю Цзуси, «Реформа и революция: исследование российской модернизации» (Пекин, 2001); Сюй Тяньсин, «Равенство, идеал сильной страны и опыт Советского Союза» (Хэфэй, 2005); Е Шуцзун, «Советский социалистический опыт» (Хэфэй, 2005).

ный интерес к научной деятельности в вузах и среди ученых. Так, в 2000 году Центр российских исследований при Восточно-китайском педагогическом университете был избран Министерством образования в качестве ключевой площадки в области гуманитарных и общественных наук для китайских университетов. В 2011 году Центр российских исследований при Пекинском педагогическом университете и аналогичный центр при Шанхайском университете иностранных языков были избраны Министерством образования как дополнительные площадки для проведения исследований в этой области. В 2015 году Китайский народный университет и Санкт-Петербургский государственный университет создали совместный Центр российских исследований. Некоторые университеты и институты, специализирующиеся в общественных науках, также создали или расширили центры для изучения российской истории и стимулирования интереса к российским исследованиям.

В-третьих, после распада Советского Союза многие архивы открыли и оцифровали свои фонды, что существенно увеличило количество и качество доступных архивных источников для изучения российской истории. В результате был издан сборник «Избранные материалы советских исторических архивов» в 34 томах под редакцией Шэнь Чжихуа (Пекин, 2002).

Наконец, стоит упомянуть, что ученые второго поколения лучше владели иностранными языками, чем первое поколение, что дало им возможность шире пользоваться оригинальными источниками. Некоторые специалисты стали регулярно ездить в Россию в рамках академических обменов для работы в архивах и библиотеках и для участия в международных научных конференциях по российской истории и смежным тематикам. Они также вступали в прямое общение с российскими коллегами на русском и английском языках, что привело к растущему влиянию китайских исследователей

российской истории в международном научном сообществе. Учёные второго поколения опубликовали значительное количество как общих, так и специализированных монографий по российской истории¹⁸. Даже будучи специалистами по отдельным вопросам, они имели широкие научные интересы, добиваясь важных результатов в изучении истории российской и

¹⁸ Вот лишь неполный список работ общего характера: Юй Пэй, Дай Гуйцзюй, Ли Жуй, «Славянская цивилизация» (Пекин, 2001); Яо Хай, «История русской культуры» (Ханчжоу, 1992); Янь Годун, «История русской синологии» (Пекин, 2007); Цао Вэйань, «Новая теория российской истории» (Пекин, 2002); Лю Сяньцзун, «Современная Российская Государственная Дума. Создание и практика» (Пекин, 2007); Чжао Шиго, «Выбор истории и история выбора. Исследование русской революции и реформы позднего нового времени» (Пекин, 2006); Фэн Шаолэй, «Россия в XX в.» (Пекин, 2007); У Эньюань, «История Советского Союза» (Пекин, 2007); Син Гуанчэн, «70 лет решений на высшем уровне в СССР» (Пекин, 1998); Ли Юнцюань, «Российская история политических партий. Создание и обвал вертикали власти» (Пекин, 2017); Сюй Сяньмэй, «От хаоса к миру. Российский политический процесс (1990–2005)» (Пекин, 2006); Цзо Фэнжун, «Россия: новая дорога к модернизации» (Пекин, 2014). Среди специализированных работ: Чжан Шэнфа, «Сталин и холодная война» (Пекин, 2004); Го Чуньшэн, «18 лет правления Брежнева» (Пекин, 2009); Хуан Лифу, «Советские социальные слои и драматические перемены в СССР» (Пекин, 2006); Чжан Цзяньхуа, «Исследования по трансформации советской интеллигенции (1917–1936)» (Пекин, 2012); Цзинь Янь, «Развернуть красное колесо: ретроспектива русской интеллигенции» (Пекин, 2011); Чжэн Юй, «От конфронтации к диалогу. Советско-американские отношения во времена Хрущева» (Пекин, 1998); Ван Сяоцзюй, «Исследования по развитию иммиграции на востоке России» (Пекин, 2003); Лэй Липин, Фу Шучжэн, «Русская православная церковь и государство (1917–1945)» (Пекин, 2001); Дай Гуйцзюй, «Реформа Русской православной церкви (1861–1917)» (Пекин, 2002); Чжан Гуансян, «Исследования по российской урбанизации в XVIII–XIX вв.» (Чанчунь, 2006); Бай Сяохун, «Русское славянофильство» (Пекин, 2006); Ло Айлинь, «Исследования по позднему крепостному праву в России» (Гуйлинь, 2007); Чэнь Кайкэ, «Синология Балади» (Пекин, 2007); Ли Син, «Центр по изучению Азии и Европы: Российско-американско-европейские отношения и китайская стратегия» (Пекин, 2013); Шэнь Чжихуа, «Советские эксперты в Китае (1948–1960)» (3-е издание) (Пекин, 2015); Ли Суйань, «Образ России в Китае» (Харбин, 2012); Гэ Синьшэн, «Жизнь Хрущева» (Пекин, 1997).

советской идеологии, культуры, экономики. Помимо написания индивидуальных трудов, второе поколение исследователей – совместно со своими предшественниками, а также с формирующимся третьим поколением историков – осуществляли крупные национальные исследовательские проекты, что привело к новым достижениям. Так, вышла история СССР в 9 томах¹⁹; планируется издание «Общей истории России» в 6 томах²⁰. Коллективный труд «Советское общество во времена НЭПа» под редакцией Хуан Лифу получил премию Китайской академии общественных наук как «научная инновация».

Чжан Гуансян и его команда исследователей в Цзилиньском университете организовали перевод труда «Социальная история России» (выпущен издательством Шаньдунского университета в 2006 году) – выдающейся монографии современного российского историка Б.Н. Миронова. В последние годы Чжан также организовал перевод и публикацию известных современных российских историографических работ в сотрудничестве с Московским университетом и Издательством литературы по общественным наукам. Он писал: «Одной из причин для организации перевода этой серии по российской истории было мое ощущение, что китайские исследования по российской истории сильно отставали. Хотя мы уже давно

¹⁹ «Русская революция» (том 1, автор: Яо Хай), «Россия во времена НЭПа» (том 3, автор: Чжэн Ифань), «Становление сталинской модели» (том 4, автор: Сюй Тяньсинь), «18 лет правления Брежнева» (том 8, автор: Е Шуцзун) и «Период горбачевских реформ» (том 9, автор: Цзо Фэнжун) вышли в Народном издательстве в 2013 г. «Гражданская война» (том 2, автор: Лю Сяньчжун), «Отечественная война» (том 5, автор: Чжан Шэнфа), «Советский Союз после войны» (том 6, автор: Шэнь Чжихуа) и «Времена Хрущева» (том 7, автор: Ян Цуньтан) – пока еще не опубликованы.

²⁰ Согласно плану, Цао Вэйань напишет том 1 (с X по конец XVII вв.), Ло Айлинь том 2 (с начала XVIII века до 1762 года), Чжан Цзяньхуа том 3 (1762–1855), Яо Хай том 4 (1855–1917), Юй Вэйминь том 5 (1917–1991), Фэн Шаолэй и Ян Чэн том 6 (1992–2010).

занимались изучением русской истории, наши результаты по-прежнему не соответствовали запросам китайского научного сообщества. Другая причина заключалась в нехватке переводов в этой области, сделанных китайскими учеными, что лишало нас возможности пользоваться достижениями российских специалистов для углубления наших знаний»²¹. Эта серия переводов стала знаковым совместным переводческим проектом на высшем уровне, осуществлённым китайскими и российскими учеными в XXI веке.

По неполным данным, китайские ученые издали в 2000 – 2017 годах более 560 работ по российской истории. Стоит особо отметить, что китайские историки начали публиковать статьи на русском и английском языках в ведущих российских журналах, к примеру, в «Вестнике Московского университета», «Вестнике Санкт-Петербургского университета», в журнале «Проблемы Дальнего Востока», а также в известных международных англоязычных журналах, включая «Европейско-славянские исследования» – в Японии и «Политика и история Азии» – в Гонконге.

Обзор новых подходов к изучению русской истории в Китае

С 1985 года значительное развитие китайских исследований по российской истории привело к популярности целого ряда научных тем в области изучения российской и советской истории.

1. Область российской истории

Происхождение Древней Руси

Эта тема связана с истоками России как «нации» и «страны». Она вызывала и вызывает немалые разногласия между российскими (советскими) учеными и их европейскими и аме-

²¹ Чжан Гуансян. Послесловие к переводу труда Н.Д. Кондратьева «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции» Пер. Чжан Гуансян, Чжун Цзяньпин. Пекин, 2017 С. 386

риканскими коллегами. Несмотря на то, что изучение этой тематики требует значительных научных познаний в области языка, культуры, этноса и религии, китайские ученые смогли активно участвовать в этих дискуссиях. В начале 1960-х годов, Чжан Чуньнянь и Чэнь Цинэн написали статью «Норманнская теория происхождения древнерусских стран» (Преподавание истории, вып. 6, 1962). После 1985 года появился ряд других значимых публикаций, включая перевод «Повести временных лет» (пер. Ван Юэ, 1995) и работу Цао Вэйяня и Ци Цзя «Происхождение слова “Русь” и создание древнерусского государства» (Исторические исследования, вып. 3, 2012).

Модернизация

При рассмотрении процессов модернизации в российской истории ученые сталкиваются со сложностями как при выборе научной методологии, так и при описании исторических перемен в современной России. Тем самым эта проблема имеет двойную природу в российской историографии – методологическую и онтологическую. Китайские историки исследовали начало российской модернизации, процесс российской индустриализации, реформы и революцию в контексте российской модернизации и жизни российского общества, а также провели ряд сравнений процессов модернизации в России и в таких странах, как Германия, Япония, Китай и Турция. Среди публикаций по этой теме – работы Лю Цзуси «Реформы и революция. Исследования по модернизации России» (2001); Чжан Цзяньхуа «Деревенские общины, реформы и революция. Традиция деревенской общины и путь к модернизации России» (2002); Чжан Гуансян и Ван Цзыхуэй «Сравнительное исследование индустриализации в России и Китае. Предпосылки и модели начала процесса» (Вестник Цзилиньского университета, вып. 6, 2011).

Русская интеллигенция

Интеллигенция является главной движущей силой политической модернизации и социальных перемен в России.

Историки в Китае и других странах рассматривают русскую интеллигенцию в контексте политической и революционной истории страны. В то же время за прошедшие 30 лет китайские исследователи также стали изучать эту тему с точки зрения интеллектуальной и культурной истории. Они занимались происхождением понятия интеллигенции, её составом и структурой, русским либерализмом, радикализмом и консерватизмом, «русской идеей», понятием соборности, славянофильством, русскими земскими учителями и врачами и рядом других проблем. Среди работ по этой теме – публикации Яо Хай «Истоки конституционного движения в современной России» (1996); Чжан Цзяньхуа «Введение в историю русской интеллектуальной мысли» (2008); Ли Сяотао «Исследования о русской интеллигенции» (2009); Го Сяоли, «Мессианское сознание России» (2009).

Российская социальная история

Социальная история времен Империи Романовых стала популярной темой благодаря многочисленным публикациям российских учёных и освоению новой исследовательской методологии. Книга «Социальная истории России» выдающегося российского историка Б.Н. Миронова стала доступна китайским ученым благодаря переводу Чжан Гуансяна, выпущенному издательством Шаньдунского университета в 2006 году; она сыграла огромную роль в популяризации исследований по социальной истории российского общества. Китайские историки рассматривали такие темы, как институциональные перемены в русском деревенском сообществе (мире); дворянство, экономика помещичьего хозяйства, дворянские усадьбы; процесс урбанизации в России; землепользование и проблемы крестьянства; обуржуазивание аристократии и аристократизация буржуазии; судебная реформа и перемены в российских социальных классах; земская реформа и функции земских управ. Среди работ по этой теме – публикации Шао Лиин «Судьба перемен. История реформы местного самоуправле-

ния в России» (2000); Чжан Цзунхуа «Реформы и дворянство в XVIII веке» (2013); Чжан Гуансян «Трансформация русского брака и модель воспроизводства населения» (Собрание статей по историческим наукам, вып. 2, 2002); Го Сянхун «Возникновение и влияние современной российской правовой системы» (Всемирная история, вып. 1, 2014).

2. Область советской истории

Мысли Ленина

Как вождь Октябрьской революции и основатель нового государства, Ленин является очень значимой фигурой для исследователей советского социалистического пути и истории создания Коммунистической партии. Изучение трудов, выступлений и стенограмм последних лет жизни Ленина показывает, что его концепция советского социалистического развития становилась все более систематизированной после 1921 года. Во-первых, Ленин подчеркивал, что надо максимально использовать потенциал рынка и развивать товарную экономику. Во-вторых, настаивал на необходимости легализовать новую экономическую политику и сделать её долгосрочной. Далее, Ленин считал, что стратегия национального развития должна перейти от чисто политической борьбы к новому подходу, основанному на трёх опорах – экономика, культура и политика. Среди работ по этой теме – издания Юй Минь и Ли Сяошань «Основные работы и теоретические инновации последнего периода жизни Ленина» (2012); Ма Луншань «Сталин и поздние реформаторские идеи Ленина» (Восточно-европейские и среднеазиатские исследования, вып. 4, 2001); Чэнь Чжаофэнь «Культурное самосознание Ленина» (2018).

Сталинская модель

Сталинская модель является ключевой темой советской истории и ведущей теоретической проблемой международного коммунистического движения. Эта тема интересует не только историков России, но и специалистов по политологии и научному социализму. Китайские ученые исследовали

сходства и различия между сталинской моделью, сталинской системой и сталинизмом, связи между сталинской моделью и советской моделью, сталинской моделью и социалистическим развитием разных стран, сталинской моделью и созданием национальных государств после Второй мировой войны, наконец, изучили сталинскую модель как образец для европейских и американских стран. Среди работ по теме – «Исследования по сталинской модели» под редакцией Ли Цзунъю и др. (1999); работы Шэнь Чунъю «Сталинский модус современной мысли» (2004); Лу Наньцюань «История советских экономических реформ» (2007); Сюй Тяньсинь «Возникновение сталинской модели» (История Советского Союза, вып. 4, 2013).

Советские социальные классы и их развитие

Согласно Советской конституции, советское общество состояло из рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Используя новую парадигму сочетания социальной и политической истории, китайские ученые провели ряд углубленных исследований социальных классов Советского Союза. Разделяя советское общество на две группы – руководящую группу с рычагами управления и трудовую группу со специализированными рабочими навыками – они анализировали политическую власть, распределение общественных ресурсов и сопутствующие конфликты, уделяя особое внимание шести политическим классам (высшее руководство, привилегированные классы, интеллигенция, диссиденты, национальные элиты, рабочие, крестьяне) с анализом их экономического статуса, жизненных условий, характерных эмоций, желаний и устремлений. Далее, изучение связи между социальными и политическими классами Советского Союза позволило китайским историкам рассмотреть социально-политические факторы, приведшие к распаду СССР. Среди работ по этой теме – публикации Хуан Лифу «Советские социальные классы и сугубые перемены в СССР» (2006); Чжан Цзяньхуа «Мысль как зеркало. Интеллигенция и советские политические пере-

мены» (2016); Го Чуньшэн «Социальные и политические слои и революция в СССР» (2007); Го Юншэн «Опыт исследования диссидентства в Советском Союзе» (2005).

Уроки распада СССР

Распад Советского Союза в конце 1991 года побудил китайских ученых заняться исследованием причин краха СССР и уроков, из него вытекающих. Крушение КПСС стало важной стратегической темой для обсуждений на государственном уровне. Среди работ по этой теме назовём: Цзян Лю, Чэнь Чжун «Исторические размышления об эволюции Советского Союза» (1993); Чжоу Шанвэнь, Е Шуцзун, Ван Сыдэ, «Взлет и падение Советского Союза» (1993); Цзян Лю, Шань Тяньлунь «Опыт исследования драматических перемен в СССР» (1995); Лу Наньцюань, Цзян Чанбинь, Сюй Куй, Ли Цзинцзе «Исторические очерки о взлете и падении Советского Союза» (2004); Чэнь Чжисюань, У Эньюань, Ма Лунсюнь «Обзор советской истории» (2014); Ма Луншань «Культурный взгляд на драматические перемены в СССР» (2005).

Со времени появления в 1985 году в Китае российской истории как дисциплины достигнуты немалые успехи в научных исследованиях, подготовке кадров и международных обменах, что заложило прочное основание для будущего развития этой науки. Как историк второго поколения, автор данных строк считает, что эти нелегко доставшиеся научные результаты должны быть закреплены. При этом важно обращать внимание учёных на имеющиеся недостатки, дабы стимулировать дальнейшую работу.

Во-первых, китайские специалисты по российской истории по-прежнему недостаточно участвуют в международном академическом обмене и научных мероприятиях. Между тем как такое участие необходимо для распространения своих результатов и знакомства с достижениями учёных других стран.

Что касается нынешней ситуации, уровень владения иностранными языками значительно выше среди историков

третьего и четвертого поколения, чем у специалистов первого поколения. Тем не менее, ситуация по-прежнему оставляет желать лучшего. Некоторые ученые говорят по-русски, но не по-английски; есть такие, кто может читать русскую литературу, но не может говорить или писать по-русски. Среди тех, кто занимается научными исследованиями, многие всё ещё не участвуют в международных конференциях и академическом обмене. По-прежнему китайские специалисты редко участвуют в ежегодной Азиатской конференции по славянско-евразийским исследованиям (основанной в 2009 году), конференции Международного совета по изучению Центральной и Восточной Европы (основанной в 1974 году) и других международных конференциях, посвящённых ключевым аспектам российской истории. Эту ситуацию можно изменить только путем продвижения участия китайских специалистов в международном академическом обмене и привлечения большего количества студентов к изучению российской истории.

Во-вторых, важно изменить традиционную парадигму изучения российской истории и основать китайские научные школы в этой дисциплине.

Философ науки Томас Кун считал, что парадигма – это консенсус о теоретических системах и научных методах внутри сообщества ученых, которые занимаются смежными дисциплинами и стремятся к одной академической цели. Автор настоящих строк был приглашен на VII Китайский семинар по русскому языку и культуре, проходивший в Сычуаньском университете иностранных языков в 2004 году. На этом мероприятии я говорил о целесообразности создания дисциплины российских исследований, чем привлёк внимание специалистов по русскому языку, литературе и философии. Очень важно, чтобы российские исследования в Китае были включенными во внутренний контекст. Иными словами, китайские ученые должны знать свою собственную научную культуру и пользоваться превосходными локальными ресурсами китайской

научной традиции, усваивая их до такой степени, чтобы быть способными уверенно оперировать сопутствующими исследовательскими навыками. В частности, они должны уметь осваивать и анализировать результаты российских исследований в России и на Западе, чтобы выбирать из них лучшие, а не слепо настаивать на собственных научных идеях и независимых суждениях. Это будет залогом успешного развития российских исследований в китайском контексте. Опыт такого рода уже имеет место в данной сфере. Так, исследовательская команда по международной истории холодной войны при Восточно-китайском педагогическом университете использовала архивы и документы из различных стран на разных языках и сведения о трехсторонних отношениях между Китаем, США и СССР, чтобы запустить процесс китаизации исследований по истории холодной войны. Этот проект привлек к себе внимание и получил хорошие отзывы научных кругов в Китае и за рубежом.

В-третьих, необходимо создать специализированные научные журналы по российской истории, чтобы увеличить количество и качество исследовательских платформ для специалистов в этой области и стимулировать международный научный обмен.

Специализированные научные журналы являются основой научно-исследовательской работы. В 1982 году Центр исследований истории СССР при факультете истории Шэньсийского педагогического университета создал первый научный журнал в этой области под названием «Исторические проблемы Советского союза». Более 50 выпусков (вплоть до закрытия журнала в 1994 году) вышло в очень непростых условиях. В 1983 году Центр исследований истории СССР при факультете истории Ланьчжоуского университета создал журнал под названием «Советская история» и также выпускал его на протяжении нескольких лет в трудных обстоятельствах.

В последние годы появился ряд отличных специализирован-

ных журналов в области россиеведения. Журнал «Российские, восточноевропейские и среднеазиатские исследования» выпускается с 1981 года Институтом российских, восточноевропейских и среднеазиатских исследований Китайской академии социальных наук; издание придерживается всеобъемлющего, стратегического, теоретически осмысленного и реалистичного подхода. «Российские исследования» (выпускается с 2000 года Центром российских исследований при Восточно-китайском педагогическом университете) и «Российский журнал» (выпускается с 2011 года Российской академией при Хэйлунцзянском университете) также стали важными платформами для публикации научных результатов в области исследования российской истории.

Тем не менее, по-прежнему нет настоящего научного журнала по российской истории, несмотря на многолетние чаяния китайских специалистов. Также нет специализированного журнала по российской истории на русском или английском языке. Такой журнал мог бы облегчить обмен с Россией и другими странами, его создание требует активного участия китайских специалистов по российской истории.

В-четвертых, система руководства талантливыми студентами в области изучения российской истории всё ещё оставляет желать лучшего. Необходимо в краткие сроки укрепить систему такой подготовки и руководства.

С тех пор, как российская история в качестве отдельной научной дисциплины появилась в 1985 году, китайские университеты и специализированные институты в области социальных наук ввели трехуровневую систему подготовки «бакалавр–магистр–докторант» в программах по изучению российской истории. Среди этих вузов – Институт всемирной истории Китайской академии социальных наук; Институт России, Восточной Европы и Средней Азии; Марксистский институт; Пекинский педагогический университет; Центральная партийная школа Китайской коммунистической партии;

Китайский народный университет; Пекинский университет; Нанькайский университет; Шэньсийский педагогический университет; Цзилиньский университет; Восточно-китайский педагогический университет; Педагогический университет Центрального Китая.

За последние три десятилетия почти 100 человек получили докторские степени по российской истории. Китайская ассоциация по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы – это научный центр и профессиональная команда русистов младшего, среднего и старшего поколения. Так как первое поколение специалистов по российским исследованиям уже ушло на пенсию, то ответственность за научную работу и подготовку новых кадров ложится на плечи второго (средний возраст 50–65 лет) и третьего поколений (средний возраст 30–50 лет). В то же время, согласно неполной статистике автора, до 2015 года из более чем 150 официальных членов Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы чуть более 30 регулярно участвовали в научных мероприятиях, активно занимались исследованиями и публиковали свои научные результаты. Таким образом, если считать, что количество специалистов по российской истории отражает качество работы в этой сфере, то можно отметить, что в Китае исследования по российской истории заметно отстают от исследований по истории США, Великобритании, Франции, Японии, Германии или по истории международных отношений.

Вышеописанные явления обусловлены в первую очередь статусом китайских программ по российской истории за последние десятилетия, а также рядом других факторов. Эту ситуацию важно исправить в ближайшее время. В контексте разработки национальной стратегии по развитию подразделений университетов и институтов, специалисты по российской истории должны осознать серьёзность и неотложность решения вышеописанных проблем и сделать всё для укрепления

ния системы подготовки и руководства в рамках программ по изучению российской истории, чтобы обеспечить правильное развитие дисциплины.

А.В. Воронцов,
*кандидат исторических наук,
заведующий отделом Кореи и Монголии,
Институт востоковедения РАН*

Особенности исторического образования в РК и КНДР

Преподавание истории в школах Республики Корея (РК)

Преподавание истории в школьной программе РК является важнейшим компонентом образования, находящимся под постоянным контролем государства. Этот процесс испытывает влияние ряда фундаментальных факторов. Среди них необходимо выделить следующие.

Во-первых, для Южной Кореи, страны являющейся интегральной частью конфуцианской цивилизации, характерно традиционное для конфуцианской культуры повышенное внимание, «трепетное» отношение к истории.

Во-вторых, с началом демократизации страны, с переходом от военных правительств к гражданскому правлению (1988 год) в РК сложилось примерное равновесие между право-консервативными и центристскими (прогрессисты) силами, представители которых периодически сменяют друг друга у власти. Поэтому содержание школьных учебников истории и сама трактовка истории могут иногда существенно меняться в зависимости от того, какая политическая партия, представляющая консервативный или либеральный лагерь, находится у власти в данный момент. Это вызывает протесты и противоречия в обществе.

Иллюстрацией вышеотмеченной особенности может служить история с попыткой всерьез скорректировать трактовку событий истории XX века в рамках задачи создания единого

учебника истории. Эта попытка была предпринята в период президентства правоконсервативного политического деятеля Пак Кын Хе (2013 – 2017). (Отметим: она является дочерью военного диктатора, отца южнокорейского «экономического чуда» президента Пак Чжон Хи.) Инициаторы данной идеи объясняли её актуальность тем, что в учебниках, утверждённых в период президентов-прогрессистов, содержалось много неверных фактов и предвзятых трактовок; прежде всего, был существенно ослаблен критический подход в оценках КНДР. Так, в одном из учебников термин «диктаторский» был использован лишь дважды применительно к Северной Корее и – 28 раз при оценках событий, происходивших в Южной Корее.

Как крамолу восприняли консервативные идеологи то обстоятельство, что левоцентристские авторы рассматриваемого учебника ответственность за Корейскую войну возлагали не только на Северную Корею. Окончательный вариант единого учебника был опубликован в начале 2017 года. Однако в этом же году Пак Кын Хе была отстранена от власти в результате импичмента, а затем осуждена судом. В результате внедрение учебника сначала было отложено до 2018 года, а после прихода к власти в 2017 году нового президента-прогрессиста Мун Чжэ Ина от идеи единого государственного учебника и вовсе отказались.

Подобные обстоятельства влияют на политику обновления школьных учебников по истории и подходов к оценке степени обязательности экзамена по истории и т.д. Например, в 2011 году указом Министерства образования, науки и технологии об образовательных программах была предпринята попытка сделать предмет истории в старшей школе элективным курсом, но в результате мощного давления общественного мнения, экспертного сообщества и политиков преподавание истории в старшей школе и выпускные экзамены по этому предмету остались в качестве обязательных.

Как отмечалось, процесс преподавания истории в школе

регулируется государством в лице правительственного Национального института корейской истории, который контролирует содержание школьных учебников и утверждает их. В результате в настоящее время учебники издаются под названием «Авторизованный учебник» в рамках «Комитета по составлению учебников», находящегося под контролем указанного правительственного органа, а содержание учебников истории может пересматриваться в соответствии с идеологическим установками конкретного правительства.

В настоящее время в средних школах используются учебники, выпускаемые различными издательствами. Среди них следует отметить такие, как «Кымсон», «Мирэ», «Восточная Азия», «Бисан Кёюк», «Кёмсанг», «Корейская система вещания по вопросам образования».

Начиная с 2010 года школы могут выбрать из 17 учебников, одобренных правительством, предпочтительное для них пособие.

Структура курса истории в школе

Двенадцатилетняя система школьного образования в Республике Корея предполагает три ступени: начальная школа – 6 лет; средняя школа – 3 года; высшая, или старшая школа – 3 года.

В начальной школе история как отдельный предмет отсутствует. Сведения по истории даются в рамках курса «Общество/Этика». В младшей школе акцент делается на социальных аспектах, история преподается через рассказы о выдающихся исторических личностях, политических и культурных деятелях, а также о жизни людей в разные исторические эпохи.

В качестве самостоятельного предмета в школьной программе история появляется со 2-го класса средней школы – изучается мировая история. С 3-го класса начинается изучение истории Кореи. В средней школе осуществляется более глубокое изучение политического аспекта, темы подаются в хроно-

логическом порядке. Курс национальной истории охватывает период с древности до наших дней, в основном – с основания государства Когурё (37 год до н.э.) до современности.

В старшей школе история Кореи и мировая история являются отдельными предметами. К ним добавляется как отдельный предмет «История Восточной Азии». При этом указанные предметы преподаются не столько в самостоятельном ключе, сколько в связи с историей Кореи. Подробнее освещаются те темы, которые так или иначе имеют отношение к Корее, остальные же – более поверхностно. Целью является «понимание корейской истории в связи с мировой историей».

По окончании 12-го класса школьники сдают комплексный экзамен (ЕГЭ). Он включает в себя 5 разделов и 5 предметных блоков: государственный язык, математику, английский язык, историю Кореи, второй иностранный язык (по выбору). При этом только история Кореи является обязательным предметом на данном экзамене. Проверка знаний осуществляется в форме тестирования.

Содержание и структура учебников истории

В учебниках присутствуют периоды Первобытной эпохи, истории Древнего мира, Средних веков, Нового времени и Новейшей истории. Основное внимание уделяется истории Кореи. История зарубежных стран преподаётся достаточно лаконично – и по эпохам, и по регионам/континентам. Например, учебник «Мировая история» для старшей школы (издательство «Кымсон», 2020) разделён на шесть разделов: «Происхождение человечества и появление цивилизации», «История Восточноазиатского региона», «История Западной Азии и Индии», «История Европы и Америки», «Империализм и две мировые войны», «Изменения в современном мире». В рамках истории «Европы и Америки» изучают, в частности, эпохи Древней Греции и Рима, формирование феодализма в Западной Европе, историю Византии, Ренессанс, английскую,

американскую и французскую революции. В целом подача в учебниках западной истории носит довольно фрагментарный характер.

В учебнике для средней школы издательства «Мирэ» (2020) выделены следующие разделы: «Рождение цивилизации и формирование Древнего мира», «Распространение мировых религий и формирование региональных цивилизаций», «Международные обмены между регионами и изменения в мире», «Империалистические захваты и движение за формирование гражданского общества», «Мировые войны и изменения в обществе», «Развитие современного мира и его проблемы».

История России и её образ в корейских учебниках

Что касается представления истории России, сведения на эту тему, изложенные в учебниках, ещё более фрагментарны, чем в разделах по западноевропейской истории. Рассмотрим наиболее широко распространённые учебники издательств «Мирэ»¹ и «Кымсон»².

В учебнике издательства «Мирэ» упомянуто, что в конце XVII века Пётр I начал осуществлять европеизацию России и усилил царскую власть. Подробностей петровских преобразований не приводится. Отмечается, что Наполеон потерпел поражение в России, причиной которого называются лютые морозы, а не сила и доблесть русской армии. Упоминается неудачная для России Русско-японская война 1904 – 1905 годов. Чуть более широко – на двух страницах – представлен параграф под названием «В России начинается социалистическая революция», в котором отмечены предпосылки рево-

¹ Учебник «История. Часть 1» для средней школы издательства «Мирэ», Сеул, 2020 г. <https://ebook.mirae-n.com/@kb3811>

² Учебник «Всемирная история» для старшей школы издательства «Кымсон», Сеул, 2020 г. https://file.kumsung.co.kr/text/ebook/2015re/pre2018/3-hig/4_h_world_his/webview/index.html

люции 1917 года, даются краткие сведения о В.И. Ленине и образовании СССР. Ошибочно утверждается, что в 1922 году СССР состоял из 15 республик. При характеристике политики И.В. Сталина отмечается, что она привела к экономическим успехам, но сопровождалась репрессиями и усилением диктаторского режима. Из следующих советских лидеров упомянут только М.С. Горбачев в связи с политикой «перестройки». Информации о современной России нет.

В учебнике издательства «Кымсон» говорится о том, что Киевская Русь заимствовала православие у Византии, и даётся фотография Софийского собора в Киеве. Из правителей России XVIII века упомянуты Петр I и Екатерина II. Отмечены такие события, как Нерчинский договор 1689 года, победа над Швецией в Северной войне, основание Санкт-Петербурга, разделы Польши. Говорится о вторжении Наполеона в Россию, поражение которого также объясняется морозами и голодом, а не действиями русской армии. Говоря о развитии России в XIX веке, авторы упоминают восстание декабристов (1825 год), отмену крепостного права Александром II (1861 год) и «хождение в народ» народников. Есть лаконичная информация о революции 1917 года. Политика И.В. Сталина кратко рассматривается в главе «Появление тоталитарных режимов». Отмечены как достижения СССР, так и существование ГУЛАГа и репрессии. Другие советские лидеры, кроме М.С. Горбачева, не упомянуты.

В целом в большинстве корейских школьных учебников просматривается следующий подход. В истории России освещаются те периоды и события, которые имеют отношение к Корее: к примеру, роль России для королевского двора династии Чосон и бегство короля Кочжона в российскую дипломатическую миссию в конце XIX века, Русско-японская война, Тихоокеанская война.

Этот же подход проявляется и в курсе мировой истории. Здесь также рассматривается революция 1917 года и её влия-

ние на мировую историю. При этом образ России представлен неоднозначным: с одной стороны, выделяется экспансионизм царской России, такое явление как «российская угроза», неравноправный российско-корейский договор 1884 года, «расширение на восток» и Русско-японская война, итогом которой стало установление японского колониального господства в Корее, роль СССР в разделе Кореи в 1945 году, в образовании КНДР и в Корейской войне. Справедливости ради следует отметить, что во многих учебниках отмечаются и более «дружественные» этапы двусторонних отношений между нашими странами (пребывания короля Кочжона в российской дипломатической миссии в 1896 - 1897 годах). Современные отношения Южной Кореи и России с 1990 года трактуются как партнерские.

В целом образ России представлен в более – менее нейтральном свете, а информация о России в школьных учебниках истории даётся кратко и довольно несистематизировано.

Описание Второй мировой войны

В учебнике издательства «Кымсон» событиям Второй мировой войны уделено четыре страницы (вместе с вопросами). Отмечено, что переломными сражениями стали сражения при атолле Мидуэй и Сталинградская битва. Среди прочих событий упоминаются: вторжение Германии в Польшу, захват немцами Парижа и Франции, нападение на Советский Союз в 1941 году, высадка в Нормандии в 1944 году, взятие Берлина советскими войсками. Такие события, как битва за Москву или Курская битва, не упомянуты. Отмечено, что капитуляция Японии произошла после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки и объявления войны со стороны СССР. Упоминаются Каирская, Ялтинская и Потсдамская конференции союзников, Нюрнбергский процесс.

Аналогичный подход просматривается и в учебнике для средней школы издательства «МирЭ». Здесь упомянут ряд

событий в Европе, предшествовавших войне, в том числе договор о ненападении между Советским Союзом и Германией в 1939 году, капитуляция фашистской Италии в 1943 году, высадка союзников в Нормандии. В целом событиям на Восточном фронте уделяется меньше внимания, чем войне на Западном фронте. Подчеркивается, что после освобождения Франции союзные силы выдвинулись в Германию. О роли СССР в капитуляции Германии ничего не говорится. Причиной капитуляции Японии прежде всего называются американские атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, а также наступление армии СССР в Маньчжурии. В корейских учебниках также никак не упоминается тот факт, что Советская армия освободила Корею в августе 1945 года и была единственной силой, которая сражалась и разгромила японские войска на корейской земле.

Особенности трактовки национальной истории в школьных программах РК и КНДР

Вопрос о происхождении собственного этноса является одним из центральных в исторической науке и занимает значительное место в историческом образовании и, соответственно, в школьных программах преподавания истории. В случае с Кореей, которая представляет собой редкий пример мононационального государства, данная тема приобретает дополнительную актуальность и позволяет также в полном объёме увидеть чётко выраженные и имеющие тенденцию к углублению различия интерпретации ключевых исторических явлений в КНДР и РК после разделения Кореи в 1945 году.

В первое десятилетие раздельного существования двух корейских государств различия во взглядах историков Севера и Юга были не столь велики. В частности, в обеих частях полуострова учёные признавали существенную роль нескольких волн миграции из различных регионов Азии в процессе фор-

мирования корейской нации. Южнокорейская историческая наука продолжает продвигаться по этому пути и в настоящее время, оставаясь в русле мейнстрима мирового процесса исторического познания. В КНДР же после утверждения с конца 1950-х годов идеологии «чучхе», абсолютизирующей принципы корейской самостоятельности и самобытности, во всех областях знаний, включая историю, произошли глубокие изменения.

По мере накопления эмпирического материала и его теоретического осмысления в Республике Корея сформировалась теория миграционного и многокомпонентного этногенеза корейцев. Южнокорейские ученые склонны рассматривать Корейский полуостров и Южную Маньчжурию в качестве своего рода «плавильного котла», в котором в ходе нескольких миграционных волн (с севера и юга) к началу нашей эры сформировалась общность родственных племён, создававших ряд государственных образований, позже объединённых под властью государства Силла. Была, в том числе, разработана концепция двухкомпонентного этногенеза корейцев в результате наложения друг на друга двух миграционных волн, пришедших из континентальной части Азии – со стороны Южной Сибири, а затем – с Алтайских гор.

На базе этой теории и с опорой на новые данные археологических и генетических исследований с применением новейших технологий к настоящему времени была разработана концепция гетерогенного миграционного этногенеза. Археологический материал показал активный обмен населения Корейского полуострова с сопредельными зонами в период неолита и бронзы. Параллельно генетики обнаружили наличие в ДНК корейцев генов, связывающих их с носителями японской культуры дзёмон, с североазиатскими народами, населением Юго-Восточной Азии и бассейна реки Амур. В итоге большинство южнокорейских исследователей пришло к выводу, что процесс этногенеза происходил на полиэтнич-

ной основе и начался с переселения на Корейский полуостров носителей культуры бронзы в 1 тыс. до н. э., а завершился в целом с образованием первого единого корейского государства – Объединённого Силла в VII веке³.

В КНДР по мере развития процесса «чучхеизации» корейской истории последовательно формировалась концепция автохтонного характера этногенеза корейцев и исключительной важности северной части страны для всего исторического развития Кореи и национального этногенеза. Поскольку на начальном этапе идеи «чучхе» представлялись как творческое развитие марксизма-ленинизма, соответствующего новой эпохе, то марксистская формационная теория также нашла в ней своё отражение. Постулировалось, что корейская нация в ходе автохтонного развития прошла все стадии из пяти формаций: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, социалистическую. Применительно к теории формирования корейской нации северокорейские ученые пришли к выводу, что завершение процесса этногенеза приходится на X век после создания в 918 году государства Корё, в которое влилось население павшего к этому времени под ударами кочевников государства Бохай, в результате чего произошло воссоединение бохайцев (потомков когурёсцев) с единокровными корёскими братьями.

Новый этап в развитии чучхейской теории этногенеза корейцев начался после того, как в 1993 году в уезде Кандон недалеко от Пхеньяна северокорейские археологи, выполняя установку Ким Ир Сена, нашли гробницу считавшегося мифической личностью родоначальника корейской нации – Тангуна (почитаемого также и в Южной Корее). Согласно мифу, Тангун жил более 5 тысяч лет назад. Поскольку в результате этого прорывного открытия было доказано, что он являлся

³ В.С. Акуленко. Этногенез корейцев в работах учёных Южной и Северной Кореи. Издательство ДВФУ, Владивосток, 2019.

исторической личностью, то из этого следовало, что формирование единого корейского народа должно было произойти уже в те далёкие времена.

Доказательной базой для новой теории этногенеза корейцев послужили данные археологии (выделение Тэдонганской культуры), палеолингвистики, физической антропологии и этнографии (миф о Тангуне).

Выдвижение Тэдонганской культуры подвело археологическую базу под интерпретации письменных источников и мифологических представлений. Тэдонганской считается культура, появившаяся после основания Тангуном Древнего Чосона в 2333 году до н.э. в долине реки Тэдонган с центром в Пхеньяне, занимавшая обширные территории не только северной части Корейского полуострова, но и всего Ляодунского полуострова. Считается, что она продолжила своё развитие после ликвидации государства Древнего Чосона китайской династией Хань в 108 году до н.э.* На основе этой культуры, по мнению северокорейских учёных, сложились культуры раннефеодальных государственных образований периода Трёх государств – Когурё, Пэкче и Силла (I – X вв. н.э.).

Среди главных особенностей этногенеза корейской нации историческая наука КНДР выделяет следующие:

- объявление корейского народа самым древним из непрерывно существующих;
- выделение Тэдонганской [археологической] культуры и включение её в пятёрку древнейших цивилизаций человечества;
- отрицание миграционного характера формирования корейцев;
- утверждение о формировании изолированной генетической популяции со времени верхнего палеолита (корейцев древнего типа), отличающейся морфологически от популяций соседних регионов;
- объявление долины реки Тэдонган и ещё уже –

Пхеньяна – центром формирования корейского народа с древних времён⁵.

Таким образом очевидно, что теории этногенеза и, соответственно, курсы национальной истории в школах КНДР и РК серьезно отличаются друг от друга.

Вместе с этим необходимо подчеркнуть, что в обоих корейских государствах к истории как предмету в целом и организации школьных курсов преподавания истории относятся с повышенным вниманием и считают их делом государственной важности.

⁵ А.А. Крупянко, В.С. Акуленко. Чучхейская теория этногенеза корейцев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Издательство ДВФУ, Владивосток, 2017. № 2 (40).

* Если нижняя граница существования государства Древний Чосон (108 г. до н.э.) является документально доказанным фактом, то его верхняя граница остаётся предметом научных споров.

Динь Нгок Бао,
*ведущий преподаватель, заместитель
директора Ханойского государственного
педагогического университета,*
Нгуен Суан Чьонг,
*ведущий эксперт Департамента среднего
образования Министерства образования
и подготовки кадров Вьетнама*

Преподавание всемирной и российской истории в современных вьетнамских школах и вузах

Во Вьетнаме в настоящее время происходит процесс коренного и всестороннего обновления образования, начало которому было положено Резолюцией Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама № 29 от 4-го ноября 2013 года и Постановлением Национального собрания № 88 от 28-го ноября 2014 года. В этих документах чётко говорится, что обновление общеобразовательных программ и учебников направлено на создание фундаментального и всестороннего изменения качества и эффективности общего образования в сочетании обучения и профессиональной ориентации, что способствует переходу от образования, ограничивающегося передачей знаний, к образованию, всесторонне развивающему качества личности и её способности, гармонизирующему добродетель, ум, тело и творческие начала, а также максимально раскрывающему потенциал каждого ученика.

Цели обновления образования можно сформулировать следующим способом:

- постепенный переход от образования, ориентированного на передачу знаний, к образованию, которое всесторонне развивает как качества, так и способности учащихся;
- дней школы при постепенной дифференциации в классах полной средней школы в направлении к профессиональному

образованию и подготовке к программам высшего образования;

- активное применение инновационных методов обучения для развития независимости, самостоятельности, практических способностей и творческих наклонностей учащихся.

Исходя из этого курса, Министерство образования и подготовки кадров Вьетнама организовало разработку общеобразовательной программы и составление новых учебников. Согласно новой общеобразовательной программе, официально объявленной в 2018 году, ученики неполной средней школы (с 6-го по 9-й классы) могут изучать все предметы с полными базовыми знаниями. Однако, кроме математики, вьетнамского языка – литературы и иностранного языка, другие отдельные учебные предметы интегрированы в новые, обобщённые. Например, физика, химия и биология интегрированы в предмет «естественные науки», а история и география интегрированы в общий предмет «история – география».

На уровне полной средней школы (10-й, 11-й и 12-й классы) остаётся только 4 обязательных учебных предмета: математика, вьетнамский язык – литература, иностранный язык и история. Все остальные предметы являются факультативными, это означает, что из оставшихся предметов ученики могут сами выбрать 4 других предмета в зависимости от своих интересов и профессиональной ориентации. Это показывает, что предмету «история» придаётся большое значение в общеобразовательной программе, ведь он становится обязательным предметом для всех учащихся – от начальной школы до окончания средней школы, наравне с математикой, вьетнамским языком – литературой и иностранным языком.

Государство также выступает за принцип «одна программа, много комплектов учебников», то есть оно только разрабатывает и проводит единую программу по всей стране, а учебники являются «социализированными». Это означает, что все организации и частные лица могут писать, печатать и распространять

нять учебники на основе единой программы. Министерство образования и подготовки кадров создает комитет Министерства по оценке учебников для рассмотрения всех подготовленных учебников. Любой комплект учебников, отвечающий требованиям, будет допущен к распространению. На сегодняшний день имеется 3 комплекта таких учебников. Школам и учителям разрешается свободно выбирать один из этих трёх комплектов в качестве учебно-методических материалов.

Согласно новой программе, предмет «история» изучается с 4-го класса начальной школы до конца 12-го класса средней школы. В начальной школе предмет «история» интегрирован в предмет «Ознакомление с природой и обществом». В неполной средней школе предмет «история» вместе с предметом «география» интегрированы в предмет «история – география». В курсе истории как предмета учащиеся знакомятся со всемирной историей, а также историю Юго-Восточной Азии и Вьетнама – от первобытных времен до наших дней. В полной средней школе учащиеся будут углублённо изучать историю на основе знаний, полученных из курса всемирной истории, изученной на уровне неполной средней школы.

На уровне начальной школы учащиеся изучают как мировую, так и вьетнамскую историю, но в более доступной форме лёгких, увлекательных исторических рассказов.

Что касается курса всемирной истории для неполной средней школы, то конкретная программа здесь выглядит следующим образом:

6-й класс: История мира, история Юго-Восточной Азии и Вьетнама в древности. Учащиеся кратко изучат историю Египта, Месопотамии, Китая, Индии, Греции, и Рима. В контексте мировой истории упоминается история Юго-Восточной Азии и Вьетнама от первобытных времен до начала X века.

7-й класс: Средневековая всемирная история, включая историю Китая, Индии и Европы; в контексте последней упоминается район расселения славянских племен. Западноев-

ропейское Средневековье представлено периодом с момента краха Западной Римской империи до конца эпохи Великих географических открытий. (Что касается Китая, Индии, Юго-Восточной Азии и Вьетнама, то время окончания Средневековья в каждом регионе датируется по-разному, но в целом относится примерно к середине XVIII века.)

8-й класс: Всемирная история в Новое время, начиная с Нидерландской буржуазной революции и заканчивая в 1918 годом – временем окончания Первой мировой войны.

9-й класс: Всемирная история в Новейшее время, начало которого датируется созданием первого в мире Советского государства и продолжается по сей день.

Начиная с 10-го класса полной средней школы, ученики изучают так называемые углублённые темы. То есть исторические события или исторические периоды от становления до вызревания того или иного процесса, зачастую до наших дней. Темы построены на основе общих знаний, полученных на уровне неполной средней школы, и предназначены для учащихся всех курсов и всех классов. А углублённые темы предназначены для учеников с ориентацией на социальные науки после завершения тематики обязательной программы.

В частности, в 10-м классе поднимаются такие темы, как: «История и историческая наука», «История мировой цивилизации», «История цивилизации Юго-Восточной Азии», «Цивилизация Дайвьет»; а также углублённые темы, такие как «Сохранение и продвижение ценностей культурного наследия Вьетнама», «Государство и законодательство в истории Вьетнама» и т.д.

В 11-м классе ученики знакомятся с такими крупными общими темами, как «Буржуазная революция и развитие капитализма», «Становление и развитие социализма», «Процесс обретения национальной независимости в странах Юго-Восточной Азии», «Некоторые крупные реформы в истории Вьетнама», «История защиты суверенитета, законных прав

и интересов Вьетнама в Восточном море», а также с такими отдельными, углублёнными темами, как «История традиционного вьетнамского искусства», «Война и мир в XX веке» и пр.

В программе 12-го класса изучаются такие общие темы, как «Мир во время и после холодной войны», «АСЕАН: исторические этапы», «История дипломатии Вьетнама» и пр., а также такие отдельные, углублённые темы, как «Япония: исторические периоды с 1945 года по настоящее время», «Процесс международной интеграции Вьетнама» и пр.

Можно утверждать, что во вьетнамских средних школах история как предмет очень важна, являясь обязательным предметом, непрерывно изучаемым с начальной школы до окончания средней школы. Содержание предмета структурировано хронологически и тематически: от всемирной истории, истории Юго-Восточной Азии до национальной истории. Это обеспечивает как базовые, так и углубленные знания в соответствии с профессиональной ориентацией.

На уровне бакалавриата предмет «история» в основном преподаётся в вузах, где имеется исторический факультет, или в вузах, которые готовят профессии, связанные с историческими специальностями, такие как туризм, сфера культуры и дипломатия. Согласно положению Министерства образования и подготовки кадров, курс «История мировой цивилизации» стал обязательным предметом во всех вузах и колледжах, для всех специальностей обучения.

Учебная программа по истории на исторических факультетах также построена в соответствии с хронологией исторического процесса – от древнего, средневекового, нового до новейшего периодов, и тематически – от всемирной истории и истории Юго-Восточной Азии до истории вьетнамского народа. После освоения курса общей истории, начиная с третьего курса, студенты могут изучить ряд углублённых тем, таких как «Культурный обмен между Востоком и Западом в древности и Средневековье», «История промышленных революций»,

«Реформы и инновации в Азии в Новой и Новейшей истории», «Социализм – теория и практика».

Таким образом, структура программы по истории, преподаваемой на исторических факультетах вузов, строится почти так же, как и школьная общеобразовательная программа, но более углублённо и на более высоком уровне.

Исходя из школьных и вузовских учебных программ видно, что с русской историей учащиеся впервые знакомятся в 7-м классе в курсе истории средневековой Европы. Однако, как и было сказано, учеников лишь кратко знакомят с историей славянских племен в общем контексте всего континента. К 8-му классу при изучении буржуазных революций в Европе учащиеся знакомятся с крестьянской реформой 1861 года в России как с буржуазной революцией, открывшей путь развитию капитализма в России. Учеников также знакомят с историей Российского государства в контексте Первой мировой войны и с тактикой Ленина вывода России из войны в связи с событиями Великой Октябрьской социалистической революции. В специальной программе много времени посвящено ознакомлению с причинами, событиями и историческим значением Революции 1917 года. В 9-м классе учащиеся подробно узнают о положении России до образования Советского Союза, о достижениях и проблемах строительства социализма в СССР с 1918 по 1945 год. В программе по истории для 9-го класса также предусмотрены 2 раздела для ознакомления с темами: «Советский Союз и страны Восточной Европы в 1945 – 1991 годах» и «Российская Федерация с 1991 года по настоящее время».

На уровне полной средней школы в 11-м классе учащиеся вновь обращаются к крестьянской реформе 1861 года в России при изучении темы «Буржуазная революция и развитие капитализма». Отмена крепостного права в России представлена как одна из распространённых форм буржуазных революций: в данном случае, революция началась «сверху», с реформ, ини-

цированных и возглавленных самодержцем.

В рамках темы «Становление и развитие социализма» учащиеся узнают о процессе формирования СССР – первого в мире социалистического государства, о роли Советского Союза во Второй мировой войне, о развитии системы социализма после Второй мировой войны, о причинах кризиса и краха социализма в Восточной Европе и в СССР, а также о проблемах социализма в мире с 1991 года по настоящее время. В рамках темы «Мир во время и после холодной войны» в 12-м классе ученики вновь обращаются к роли Советского Союза в формировании Ялтинско-Потсдамской международной системы, изучают причины и последствия краха биполярного мира, тенденции к многополярности в сегодняшних международных отношениях. Особое внимание уделяется роли России и Китая в формировании нового миропорядка, многополярного мира.

В учебных программах на исторических факультетах вузов история России изучается более глубоко и детально. Например, в разделе о буржуазных революциях студенты знакомятся с различными формами буржуазных революций, в том числе подробно – с крестьянской реформой в России. После этого студенты подробно изучают развитие некоторых типичных капиталистических странах той эпохи, включая отдельную тему, посвящённую истории России с 1870 по 1914 год. В разделе Новейшей истории студенты изучают Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года в России, образование Советского государства и процесс строительства социализма в Советском Союзе по 1941 год, развитие социализма в Советском Союзе и Восточной Европе с 1945 по 1991 год, а также становление Российской Федерации и Содружества Независимых Государств с 1991 года по настоящее время.

Очевидно, что история России до Октябрьской революции лишь кратко представлена в общем курсе всемирной истории. Однако советская/российская история глубоко и подробно изучается в период с 1917 года по настоящее время. Причём

история России присутствует не только в программе всемирной истории, но и в курсе истории Вьетнама, начиная с 1930 года, когда была основана Коммунистическая партия Вьетнама. Роль России и Советского Союза всегда упоминалась и упоминается в рассказах о достижениях вьетнамской революции, особенно в деле строительства социализма и в ходе войны сопротивления против США, в борьбе за воссоединение страны. Вьетнамский народ никогда не забудет искреннюю поддержку и помощь русского народа как в прошлом, так и в настоящем.

С.М. Дударенок,
*доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Отдела
социально-политических исследований
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,*
Чжао Хуэйцин,
доцент, Хэйхэский университет, КНР

ЗАДАЧА: ЗНАТЬ И ПОНИМАТЬ

Изучение истории китайской диаспоры российского Дальнего Востока в России и в КНР

Тема китайской миграции в Россию занимает прочное место в общественном сознании россиян. Среди трудовых мигрантов, регистрируемых Федеральной миграционной службой Российской Федерации, доля приезжающих из Китая по сравнению с мигрантами из бывших советских республик не так уж велика – порядка 20%, однако в обыденном сознании интерес и внимание к китайцам проявляются весьма отчетливо: зачистую речь в таких случаях заходит даже о китайской «демографической экспансии»¹.

Китайская диаспора существует в России почти 150 лет. Идея о необходимости увеличения населения на территории Дальнего Востока «охочими пахотными людьми» и торговцами рассматривалась в высших правительственных кругах России еще с конца XVII века². Выдвигая эту стратегическую

¹ Попхадзе Т.Ю., Гармашева Т.М. Современная миграция китайцев в Россию и ее социально-экономические последствия // Наука и инновации – современные концепции. Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума. М., 2022. С. 76-81.

² Емельянов Н. Китайская и корейская колонизация // Русский вестник. СПб., 1900. № 8. С. 561-570; Историческое обозрение водворения иностранных поселений в России // Журнал Министерства Внутренних Дел. Ч. 26. СПб., 1837. С. 426-461.

задачу, власти понимали, что её решение силами лишь российских подданных крайне затруднительно. Вот почему они задумывались о формах и масштабах экономического присутствия иностранцев, в том числе и китайцев.

В разные годы не только местная администрация, но и центральные правительственные органы России, сам император, Государственная Дума занимались решением экономических и политических проблем, вызванных присутствием на отдалённой и слабо освоенной окраине страны многочисленной и сплоченной китайской общины, связанной многими нитями со своей родиной.

Со своей стороны, китайские правительства, будь то императорский Китай или провозглашенная в 1911 году Китайская Республика, внимательно следили за положением китайской диаспоры в России, а затем и в СССР. Возникавшие в этой области вопросы составляли один из аспектов российско-китайских отношений в широком контексте. То же самое имеет место и в настоящее время.

Интерес российских властей и общественности к китайской диаспоре Дальнего Востока России во многом был обусловлен необходимостью укрепления дальневосточных рубежей страны. Необходимость знать и понимать особенности хозяйственной жизни и культуры не только китайских отходников, но и проживающих на российской территории китайских торговцев и предпринимателей становится одной из приоритетных задач как органов власти (центральных и региональных), так и представителей различных общественных организаций и научных учреждений.

Тема китайской диаспоры Дальнего Востока в эпоху Российской империи

Первоначально это изучение велось не профессионалами историками, а путешественниками, военными чинами и чиновниками местной администрации. Первые описания

жизни китайцев на Дальнем Востоке были сделаны российскими путешественниками М.И. Венюковым, Н.П. Пржевальским, А.В. Елисеевым, Г.Т. Муровым во второй половине XIX века³. В 1870 – 1880-х годах их работу продолжили военные специалисты – В.В. Крестовский, А.Ю. Назаров, И.П. Надаров⁴.

Интерес к жизни китайцев на Дальнем Востоке заметно возрос в период строительства Транссиба (1891 – 1916), железной дороги между Челябинском и Владивостоком, соединившей европейскую часть России с крупнейшими восточносибирскими и дальневосточными промышленными городами.

В это время существенно разросшаяся дальневосточная китайская диаспора стала объектом интенсивного всестороннего изучения, включая обследования по заданиям правительственных ведомств. Значительный материал о жизни китайцев на Дальнем Востоке России содержится в публикациях историка и географа П.И. Головачева, зоолога и этнографа Н.Л. Гребницкого, известного русского путешественника Г.Е. Грумм-Гржимайло, писателя и этнографа Сибири И.С. Левитова и др.⁵ Подробно описал жизнь китайской диаспоры

³ Венюков М.И. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1952; Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867-1869. М., 1949; Елисеев А.В. По Южно-Уссурийскому краю // Исторический Вестник. СПб., 1891. Т.43. № 2. С. 435-456; № 3. С. 724-745; Т. 44. № 4. С. 86-109; Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока. От Владивостока до Хабаровска (Путевой дневник). Томск, 1901 и др.

⁴ Крестовский В.В. О положении и нуждах Южно-Уссурийского края. СПб., 1881; Назаров А.Ю. Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской области // Известия Восточного Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск. Т. 14. № 1-2; Надаров И.П. Материалы к изучению Уссурийского края. Владивосток, 1886 и др.

⁵ Головачев П.И. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904; Гребницкий Н.Л. Значение китайско-корейского элемента в деле колонизации Южно-Уссурийского края // Известия Сибирского отдела Императорского русского Географического общества. 1877. Т. 8. № 5-5. С. 155-168; Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. СПб., 1894; Левитов И.С. Желтая Россия. СПб., 1901 и др.

в своём отчете императору Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков⁶.

Особое внимание в дореволюционных работах уделялось освещению так называемой «желтой опасности» («желтый вопрос»), под которой понималось вытеснение российского труда в России иностранным. При этом исследователи делали подчас противоположные выводы о значении и характере труда иностранных подданных⁷.

Так, например, В.В. Граве в своей работе говорит о том, что «все те отрасли, на развитие которых возможна колонизация в крае, находятся в руках желтых». Сравнивая разные национальности, В.В. Граве самым опасным контингентом считал китайцев, корейцев же он называл «желательным для нас элементом»⁸.

Противоположную точку зрения на «желтый вопрос» отстаивал А. Комов. Он был убежден, что, несмотря на избыток китайцев и корейцев, без них нельзя обойтись, видел выгоду для золотопромышленников не только в дешевизне их труда,

⁶ Гродеков Н.И. Китайцы и корейцы // Всеподданнейший отчет Приамурского Генерал-Губернатора, Генерала-от-Инфантерии Гродекова. 1898-1900 годы. Хабаровск, 1901.

⁷ Гребенщиков М. Имеют ли китайцы виды на Приамурский край? // Дело. СПб., 1886. № 3-4. С.123-132; Движение китайцев // Далекая окраина. 1911. 9 апреля. № 1438; Желтая опасность. Составитель Б. Дьяченко. Владивосток, 1996; К вопросу о желтом труде // Промышленность и Торговля. 1913. № 27. С.487-492; Михайлов В. Третья Государственная Дума и желтая опасность. СПб., 1912; Наплыв китайских рабочих на Дальнем Востоке // Вестник Азии. 1915. Кн. 3-4. № 35-36; Наплыв китайцев // Русское слово. 1909. 13(26) дек. № 285; Панов А.А. Желтый вопрос в Приамурье (Историко-статистический очерк) // Вопросы колонизации. СПб., 1910. № 7. С. 53-116; Рост желтой эмиграции // Вестник Азии. 1915. Книга 3-4. № 35-36 и др.

⁸ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье Отчет уполномоченного Министерства иностранных дел В.В. Граве. Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб., 1912. Вып. XI. С. 232.

но и в том, что китайцы и корейцы идут на самые тяжёлые работы. А. Комов был согласен с тем, что иностранцы составляли конкуренцию отечественным рабочим, но всю ответственность за нерешённые проблемы возлагал на местную власть. И указывал на то, что притеснение китайцев в России, скорее всего, инициирует негативный ответ по отношению к русским в Маньчжурии⁹.

Проблема китайского населения на территории Приморья и Приамурья привлекала внимание В.К. Арсеньева, собравшего уникальные свидетельства о различных сторонах быта, промыслах и социальной организации локальной группы китайцев, жившей на территории российского Дальнего Востока. Материалы комплексных экспедиций по малоизученным районам Уссурийского края стали основой для ряда крупных научных работ¹⁰. По его мнению, Уссурийский край был своеобразным «перекрестком», где соприкоснулись культуры различных народов России и мигрантов из сопредельных стран. Опасения Арсеньева вызывал тот факт, что социальная организация зарубежных китайцев на территории Дальнего Востока России напоминала государство в государстве, находясь вне российского правового поля.

Проблемы китайской эмиграции в советской и постсоветской науке

В самом начале советского периода проблемы истории китайской эмиграции стали рассматриваться в рамках начавшегося систематического исследования экономики советского

⁹ Комов А. О китайцах и корейцах в Приамурском крае // Сибирские вопросы. СПб., 1909. № 27. С 18-27.

¹⁰ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историческо-этнографический // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. X. Вып. 1. Хабаровск, 1914. С.1-203; Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. 1900-1908 гг. Пг., 1915.

Дальнего Востока и проблем национального строительства¹¹. Этнографические и культурные аспекты жизни китайцев продолжал исследовать В.К. Арсеньев¹². Изучали жизнь китайской диаспоры и представители органов власти. Так, сотрудниками ОГПУ была подготовлена справка «Китайцы в Дальне-Восточном Крае» (1929)¹³, в которой отразились все стороны жизни китайской диаспоры: от хозяйственного уклада и быта до политических, религиозных воззрений и культуры.

В 1930-х годах в связи с депортацией китайцев и корейцев с Дальнего Востока тема была закрыта для исследования. Однако в конце 1950-х годов был дан зелёный свет изучению одного из направлений темы – участию китайцев в Революции 1917 года и Гражданской войне в СССР. Появилось большое количество работ, задача которых состояла в том, чтобы способствовать укреплению пошатнувшейся в тот период дружбы двух великих государств¹⁴. Были опубликованы и сборники документов, отражающие участие китайцев в революционных событиях и Гражданской войне¹⁵. Также в СССР был опубликован ряд воспоминаний китайских участников

¹¹ Амурская золотопромышленность и китайские рабочие // Экономический Вестник Маньчжурии. Харбин, 1923. № 38-39. С. 18-19; Анерт Э.Э. Богатства недр Дальнего Востока. Хабаровск-Владивосток, 1928; Архипов Н.Б. Дальневосточный край. Издание 2-е перераб. и доп. М.; Л., 1929; Жигадло Е. Классовое расслоение дальневосточной деревни. Хабаровск, 1929; Оболенский В.В. (Осинский). Международные и межконтинентальные миграции. М., 1928 и др.

¹² Арсеньев В.К. Искатели женьшеня в Уссурийском крае. Владивосток, 1925; Арсеньев В.К., Титов Е.И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск-Владивосток, 1928; Арсеньев В.К. В делях Уссурийского края. М., 1951 и др.

¹³ Китайцы в Дальне-Восточном Крае // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 593.

¹⁴ Китайские добровольцы в боях за Советскую власть (1918-1922 гг.). Документы и материалы. М., 1961; Мюллер А.А. В пламени революции (1917-1922 гг.). Воспоминания командира интернационального отряда Красной гвардии. Иркутск, 1957; Попов Н.А. Они с нами сражались за власть Советов. Китайские добровольцы на фронтах гражданской войны в России (1918-1922). Л., 1959 и др.

¹⁵ Китайские добровольцы в боях за Советскую власть (1918-1922 гг.). Документы и материалы. М., 1961.

Октябрьской революции и Гражданской войны¹⁶.

В конце советского периода начинают появляться работы, в которых рассматриваются те или иные проблемы китайского присутствия на Дальнем Востоке¹⁷, но в силу многих идеологических и политических причин история китайской диаспоры не являлась отдельным предметом научного анализа.

В постсоветский период изучение китайской диаспоры возобновилось, став актуальной темой: в России вновь появились китайские торговцы и рабочие, получили небывалое развитие экономические связи российского Дальнего Востока с китайскими приграничными провинциями. В этот период появилось много исследований, посвящённых китайской диаспоре, в том числе монографии А.Г. Ларина, Т.Н. Сорокиной, В.Г. Дацышена¹⁸ и др. Чрезвычайно сложному периоду освоения Юга Дальнего Востока России и выработке политических, административных и экономических мер взаимодействия с мигрантами из Китая в городах и местах раннего заселения посвящены работы И.Е. Нестеровой¹⁹.

¹⁶ Дружба, скрепленная кровью. М., 1959.

¹⁷ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989. 127 с.

¹⁸ Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М.: РАН, ИДВ, 2003; Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009; Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политическая администрация Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск, 1999; Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири в XVII – XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008 и др.

¹⁹ Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.) Владивосток, 2004; Нестерова Е.И. Китайцы в Приморье: некоторые аспекты социальной адаптации (конец XIX – начало XX вв.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 69 – 82; Нестерова Е.И. Китайцы на Дальнем Востоке России: люди и судьбы // Диаспоры. 2003. № 2. С. 6 – 28; Нестерова Е.И. Формы самоорганизации китайских мигрантов и хуацяо во второй половине XIX - начале XX вв. // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков. Иркутск, 2010. С. 402 – 439.

В ряде трудов российских исследователей проблема китайской миграции рассматривается как составная часть более широкой темы – двухсторонних отношений между Россией и Китаем на региональном и общегосударственном уровне²⁰. Восприятие мигрантов из Китая российским обществом подробно исследовано в монографии А.В. Лукина²¹. Исторической и современной проблематике китайской миграции посвящено также большое количество статей и докладов в различных сборниках и периодических изданиях.

Активно занимаются проблемой китайских мигрантов доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск) Владимир Дацышен²² и доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва) Николай Бугай²³.

В последние годы российские исследователи продолжают активно исследовать ряд проблем, связанных с историей китайской диаспоры Дальнего Востока России. Среди них – уча-

²⁰ См.: Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: дипломатическая история российско-китайской границы, XVII – XX вв. М., 1996; Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? : (китайцы и кавказцы в Иркутске). М., 2000; Гельбрас В.Г. Китайская реальность. М., 2001; Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004; Миграционная ситуация на Дальнем Востоке и политика России в XVII – XXI веках. М., 2007 и др.

²¹ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом: образ Китая в XVII – XXI веках. М., 2007.

²² Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири XVII-XX: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008; Дацышен В.Г. Миграции китайцев в Азиатской России в XX веке // Миграции населения Азиатской России в конце XX – начале XXI вв. Новосибирск, 2011; Дацышен В.Г. Китайцы в России и советско-китайский конфликт 1929 г. на КВЖД // Российская история. 2011. № 5. С. 51-62 и др.

²³ Бугай Н.Ф. И. Сталин – Мао Цзэдун: судьбы китайцев в СССР – России (1905-1940-е годы). М., 2018; Бугай Н.Ф. Общественно-политическая обстановка на Дальнем Востоке: китайцы в советском строительстве. 1920-1940-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3-1. С. 13-29 и др.

стие китайских рабочих в революции и Гражданской войне²⁴; проблемы современной миграция китайцев на российский Дальний Восток²⁵; хозяйственная деятельность китайцев на Дальнем Востоке России в прошлом и настоящем²⁶; политика российских властей по отношению к китайской диаспоре на

²⁴ Сотникова И.Н. Отечественная историография об участии китайцев в событиях Октября 1917 г. и Гражданской войны в России // Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы V Всероссийской научной конференции Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. М., 2019. С. 297-309; Авдашкин А.А. «Китайский рабочий в России берет винтовку»: образ китайца-красноармейца в периодической печати // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1(45). С. 66-69; Авдашкин А.А. От трудовых мигрантов до «восточного батальона» красноармейцев: динамика образа китайцев в России в начале XX века // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 4(55). С. 129-140; Косихина С.С. Участие китайцев в Гражданской войне в России // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: этнокультурные процессы в политическом контексте. сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2013. С. 175-181 и др.

²⁵ Попхадзе Т.Ю., Гармашева Т.М. Современная миграция китайцев в Россию и её социально-экономические последствия // Наука и инновации – современные концепции. Сб. ст. по итогам работы Международного научного форума. М., 2022. С. 76-81; Степанов В.В. Китайцы в России // Этническое и религиозное многообразие России. М., 2018. С. 417-436; Балаш Н.И. Китайцы на Дальнем Востоке России: миф или реальность? // Проблемы науки. 2017. № 7(20). С. 69-71; Коровушкин Д.Г., Коровушкин И.Д. Китайцы в Азиатской России: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2016. № 4(22). С. 97-122; Дятлов В. Китайцы в Сибири и на Дальнем Востоке хорошо это или плохо для России? // Азия и Африка сегодня. 2003. № 4(549); Боюн Е.В. Китайцы на Дальнем Востоке: благо или угроза // Вологодские чтения. 2002. № 23. С. 29-31; Гельбрас В.Г. Сколько китайцев в России // Вестник Евразии. 2001. № 1. С. 71-87 и др.

²⁶ Борисов С.Б. Занятия китайцев в России в 1890-е -1950-е гг. // Вопросы истории. 2019. № 4. С. 86-95; Борисов С.Б. Жизнь китайцев в России в 1890-1950-е гг. // Философские и исторические исследования. Сб. ст. Шадринск, 2019. С. 179-198; Афоняева А.В. Бизнес китайцев в России в контексте инициативы «Экономический пояс шелкового пути» // 40 лет экономических реформ в КНР. М., 2020. С. 180-195 и др.

всем протяжении её существования²⁷; образ Китая и китайцев в сознании россиян²⁸ и др.

Особую ценность представляют труды дальневосточных историков, постоянно контактирующих с мигрантами из КНР и сотрудничающих с местной администрацией. В постсоветский период сформировалось два основных центра исследования истории китайской диаспоры в России: Владивосток (Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН и Дальневосточный федеральный университет) и Благовещенск (Амурский государственный университет и Благовещенский государственный педагогический университет). Сотрудники этих учреждений много и плодотворно занимаются историей российско-китайских отношений, миграционными процессами в дальневосточном регионе, историей дальневосточной китайской диаспоры и пр.

Проблемам российско-китайских отношений посвятил ряд монографических исследований заведующий сектором ази-

²⁷ Ларин А.Г. Мировая китайская диаспора и новая миграционная концепция России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. Т. 18. № 18. С. 193-220; Маленкова А.А. Политика советских властей в отношении китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР в 1920-1930-е гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 4. С. 120-136; Маленкова А.А. Опыт государственного регулирования жизни китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР в 1920-1930 гг. // Азиатско-Тихоокеанский Регион: конкуренция культур, государств, идей. XV всероссийская научная конференция молодых ученых (Владивосток, 25–26 апреля 2016): материалы конференции Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. С. 32-33 и др.

²⁸ Авдашкин А.А., Раева Т.В., Сибиряков И.В. Образ Китая и китайцев в поздней имперской России (по материалам журнала «Нива» // Былые годы. 2021. № 16(4). С. 1898-1909; Калита В.В., Марин Е.Б. Образ «типичного китайца» и «типичного русского» в представлении китайских студентов, обучающихся в России // Национальный психологический журнал. 2013. № 3(11). С. 28-41; Сидорова А.И. Миграция китайцев на территорию Дальнего Востока и Сибири и ее влияние на формирование образа Китая в России (конец XX – начало XXI вв.) // Современная Россия и мир: альтернативы развития.. Сб. ст. сер. «Дневник Алтайской школы политических исследований». 2014. С. 192-198 и др.

атско-тихоокеанских исследований ИИАиЭ ДВО РАН, академик РАН В.Л. Ларин²⁹. Совместно с Л.Л. Лариной он исследует динамику отношения дальневосточников к китайскому присутствию в регионе³⁰. Авторы подчеркивают: существующие сегодня у большинства населения Дальнего Востока представления о своих соседях-китайцах являются серьёзным препятствием к политическому, экономическому и культурному сближению России и КНР.

Исследователи ИИАиЭ ДВО РАН А.С. Ващук, Г.А. Ткачева, Е.Н. Чернолуцкая и др. давно занимаются исследованием этномиграционных процессов на российском Дальнем Востоке, в том числе историей иммиграции китайцев в данный регион и их депортации³¹.

²⁹ Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: ИИАиЭ ДВО РАН, 1998; Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.). Владивосток: ИИАиЭ ДВО РАН, 2005; Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI. Владивосток: ИИАиЭ ДВО РАН, 2006.

³⁰ Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Особый взгляд на великого соседа: восприятие Китая и китайцев на юге Тихоокеанской России // Полис. 2022. № 2. С. 174-191. Ларина Л.Л. Китайцы на Дальнем Востоке России: динамика их восприятия за последнее десятилетие // Взгляд вне рамок старых проблем: опыт российско-китайского пограничного сотрудничества. Саппоро, 2005. С. 15-26; Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX-XXI веков Владивосток, 2011.

³¹ См.: Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке /А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкая, В.А. Королёва, Г.Б. Дудченко, Л.А. Герасимова. Владивосток: ИИАиЭ ДВО РАН, 2002; Ткачёва Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20-30-е годы XX в. Владивосток, 2000; Ткачёва Г.А. В условиях неравенства. Иммиграция в Приморском крае в 20-30-е годы // Россия и АТР. Владивосток, 1993. № 2; Ткачева Г.А. Заселение Дальнего Востока России выходцами из Китая, Кореи и Японии в 20-е годы XX в. // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII – XX вв. (к 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур): тезисы докладов и сообщений межд. научн. конф-и. Вып. 2. Владивосток, 1993. С. 73-75; Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем

В фундаментальной монографии А.И. Петрова рассматривается комплекс проблем китайской иммиграции в Россию, начавшейся после Великих реформ, место и роль китайцев в хозяйственной и культурной жизни региона³². В статье Ю.Н. Поповичевой (Ковалевской) изучается место «желтого вопроса» в деятельности дальневосточной администрации³³. Активно занимаются проблемами взаимоотношений российского Дальнего Востока и КНР, китайских инвестиций в экономику Дальнего Востока и историей китайской диаспоры в регионе сотрудники отдела китайских исследований ИИАиЭ ДВО РАН С.А. Иванов, С.Ю. Вradiй, Г.П. Белоглазов, Г.Н. Романова, И.Ю. Зуенко³⁴ и др. В работах доктора исторических наук

Востоке в 1920-1950-е гг. Владивосток, 2011; Чернолуцкая Е.Н. Депортация китайцев из Приморья (1938) // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII-XX вв. (К 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. Кн. 2. С. 78-82; Чернолуцкая Е.Н. Русский с китайцев братья навек? (неизвестные страницы о депортации китайцев из Приморья // Комсомольская правда (дальневосточная региональная вкладка). Владивосток, 1993. 20 марта; Чернолуцкая Е.Н. Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г. // Проблемы Дальнего Востока. М., 2008. № 4. С. 133-145 и др.

³² Петров А.И. История китайцев в России, 1856-1917 годы. СПб., 2003

³³ Поповичева Ю.Н. «Желтый вопрос» в деятельности высшей дальневосточной администрации (1883-1900) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. С. 14-19.

³⁴ Иванов С.А., Зуенко И.Ю., Савченко А.Е. Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения, 2019. № 11. С. 105-113; Вradiй С.Ю. КВЖД в хозяйственном освоении российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16-18 июня 2018 г.) Владивосток, 2019. С. 37-42; Белоглазов Г.П. Иностранцы мигранты и миграционные процессы на российском Дальнем Востоке (вторая половина XX – начало XXI вв.) // Миграция населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. Новосибирск, 2011. С. 346-387 (в соавт. с В.Л. Ларин, А.С. Ващук); Белоглазов Г.П. Россия в Китае и Китай в России: исторические аспекты этнокультурного взаимодействия // Россия и Китай: опыт и

Н.А. Шабельниковой уделяется внимание борьбе с преступностью, связанной с пребыванием на территории региона китайских мигрантов³⁵.

Различные аспекты исследуемой темы нашли отражение в сборниках материалов международных конференций, проводившихся в Амурском государственном университете (Благовещенск) с начала 2000-х годов под общим названием «Россия и Китай на Дальневосточных рубежах».

Не менее интересны материалы Международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» – одного из ключевых мероприятий, которые в последние годы проводятся на базе Благовещенского государственного педагогического университета (БГПУ). Ежегодно к началу работы конференции в форме научного сборника издаются материалы выступлений участников форума, среди которых значительная часть посвящена истории Китая и китайцев.

потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток, 2014. С. 57 – 69; Романова Г.Н. Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2009. № 3(65). С. 142-151; Габуев А.Т., Зуенко И.Ю. Российско-китайское приграничное сотрудничество: вверх по лестнице, ведущей вниз? // Россия-2016. Ежегодный доклад Франко-Российского аналитического центра Обсерво. Москва-Париж, 2016. С. 407-418; Зуенко И.Ю., Иванов С.А., Лун Чанхай, Ма Юцзюнь, Олейников И.В., Цинь Дун. Программа сотрудничества восточных регионов России и Северо-Восточного Китая, 2009-2018 // У карты Тихого океана, 2018. № 3 (251). С. 3-26.

³⁵ Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России (1922-1930 гг.). Владивосток, 2002; Шабельникова Н.А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1920-е годы. М., 2016; Шабельникова Н.А. Особенности борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 6. Благовещенск, 2003; Шабельникова Н.А. Хунхузничество как особый вид бандитизма на Дальнем Востоке России в 1920-е годы // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Материалы Второй междунар. науч. конф. (Владивосток, 12-14 октября 2016 г.) Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. Хабаровск, 2017. С. 413-418 и др.

Наиболее активно проблемой истории китайской диаспоры на Дальнем Востоке России занимается доктор исторических наук, профессор кафедры романо-германских и восточных языков, декан международного факультета БГПУ Ольга Владимировна Залеская. Ей принадлежат две монографии и большое количество статей по истории китайской диаспоры на советском Дальнем Востоке³⁶.

Не менее значимы для понимания истории китайской диаспоры Дальнего Востока работы других амурских исследователей – С.Е. Аниховского, Р.А. Кобызова, Д.П. Болотина, А.П. Забияко, Т.А. Пан и др³⁷.

³⁶ Залеская О.В. Российско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке (1917-1924 гг.) / под общ. ред. Н.А. Шиндялова. Благовещенск, 2002. 157 с.; Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1858-1938 гг.). Владивосток, 2009. Залеская О.В. Основные направления в образовании и обучении китайского населения на советском Дальнем Востоке в 20-30-е гг. XX в. // Отечественная история. 2008. № 2. С. 97-106; Залеская О.В. Советская политика в отношении китайских мигрантов в 1920-е гг. // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 137-141; Залеская О.В. Особенности китайской рабочей миграции на российский Дальний Восток в кон. XIX в. – 1917 г. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 5(2). С. 47-55 и др.

³⁷ К примеру: Аниховский С.Э., Болотин Д.П., Забияко А.П., Пан Т.А. «Маньчжурский клин»: история, народы, религии / Под общ. ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2005; Аниховский С. Э. Этносоциологический портрет и религиозные верования «заяских маньчжуров» Амурской области // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: [Материалы конф.] Благовещенск, 2003. Вып. 5. С. 384-391; Аниховский С.Э. Трансформация религиозных традиций эвенков под воздействием буддизма и религиозных верований китайцев в XIX – начале XX вв. // Религиоведение. 2009. №2. С. 13-19; Кобызов Р.А. Этнорелигиозное взаимодействие русских и китайцев (на материалах социологических исследований приграничных районов Дальнего Востока): автореферат дисс. ... канд. философских наук / Амурский гос. ун-т. Благовещенск, 2005 и др.

Китайские исследователи – о китайской диаспоре в России

Историей китайской диаспоры на Дальнем Востоке России в настоящее время активно занимаются и в Китайской народной республике. Первые записи о китайских купцах в России были сделаны еще в конце XVII века. Интересный материал по данному вопросу приведен в статье А.И. Петрова³⁸.

В КНР исторические исследования подвергались сильной политизации. В годы напряженных отношений между двумя странами большое количество работ было посвящено трениям и конфликтам на Дальнем Востоке между российскими властями и местным населением, с одной стороны, и китайцами – с другой³⁹.

Исследования китайских авторов по истории китайской диаспоры в России/СССР сосредоточены, как правило, на нескольких основных темах. Это, прежде всего, работы, в которых рассматривается вклад китайских мигрантов в хозяйственное освоение дальневосточного региона⁴⁰. Часто китайские

³⁸ Петров А.И. Китайская историография истории китайцев в царской России. Краткий очерк // Россия и АТР. 2006. № 1(51). С. 141-155.

³⁹ Сюе Сяньтянь, Хуан Цилян, Ли Цзягу, Ли Юйчжэнь. 薛衍天. 中苏国家关系史资料汇编[Материалы по истории отношений между Китаем и СССР]. Пекин, 1993. (на кит. яз.); 俄政变与一般交涉 (一). 中华民国六年至八年. 中央研究院近代史研究所编 / 中俄关系史料. — 台北: 精华印书馆, 1960. [Материалы по истории китайско-российских отношений. Политические перемены в России и общие дипломатические отношения (1). 1917–1919] / Институт новой истории Академии Синика. Тайбэй, 1960. (на кит. яз.); 俄政变. 中华民国九年. 中央研究院近代史研究所编 / 中俄关系史料. — 台北: 精华印书馆, 1968. — 650页. [Материалы по истории китайско-российских отношений. Политические перемены в России. 1920] / Институт новой истории Академии Синика. Тайбэй, 1968. (на кит. яз.); 俄政变. 中华民国十年. 中央研究院近代史研究所编 / 中俄关系史料. — 台北: 精华印书馆, 1974. 655页. [Материалы по истории китайско-российских отношений. Политические перемены в России. 1921] / Институт новой истории Академии Синика. Тайбэй, 1974. 655 с. (на кит. яз.) т др.

⁴⁰ Ли Юнчан. 李永昌. 中国近代赴俄华工述论. [О китайских рабочих в России в период новой истории Китая] // Исследование современной истории. 1987. №2.

исследователи преувеличивают роль китайских мигрантов в хозяйственном освоении региона, не замечая отрицательных факторов их присутствия (хунхузничество, опиекурение, проституция и пр.). Важными темами для китайских авторов стали: участие китайских красноармейцев и красных партизан в Октябрьской революции и Гражданской войне⁴¹, а также стремление развенчать миф о «демографической экспансии» китайских мигрантов в современной России⁴².

С. 212-233; Цян Сяюнь. 强晓云. 帝国时期俄罗斯的中国移民: 人文特征与管理体制. [Китайские эмигранты в России в периоде империи: гуманистические особенности и система управления] // Вопросы современного мирового социализма. 2006. № 1. С. 59-67; Шэнь Лихуа. 沈莉华. 关于俄罗斯远东中国移民问题的思考. [Размышления о проблеме китайских эмигрантов на российском Дальнем Востоке] // Форум Северо-Восточной Азии. 2005. №7. С. 70-75; Ван Цзин. 王晶. 旅俄华工与俄属远东地区的经济开发. [Китайские рабочие в России и экономическое развитие на Дальнем Востоке России] // Сибирские исследования. 1996. №4. С. 52-57; Сун Я. Предприниматели из КНР в России как социально-профессиональная группа // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2011. № 4. С. 263-265; Цян Д. Вклад китайских мигрантов в России // Глобальный научный потенциал. 2019. № 4 (97). С. 235-237.

⁴¹ Ли Сяньжун. 李显荣. 旅俄华工与十月革命. [Китайские рабочие в России и Октябрьская революция] // Исторические контакты. 1979. №11. С. 42-44 (на кит. яз.); Ли Юнчан. 李永昌. 旅俄华工与十月革命. [Китайские рабочие в России и Октябрьская революция]. Шицзячжуан: Издательство отдела образования Хэбэйской провинции, 1988. 366 с. (на кит. яз.); Лю Юнъань. 刘永安. 为苏俄而战的中国志愿军. [Китайские добровольцы на боях за Советскую власть]. Пекин: Освободительная армия, 1989. 149 с. (на кит. яз.); Ван Шоуцянь. 王守谦. 唐山工人运动史. [История рабочего движения города Таншаня]. Пекин, 1993 (на кит. яз.); Чжао Хуэцин. Участие китайцев в Гражданской войне на Дальнем Востоке России // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. 2017. С. 163-166; Ли Х., Тун Х., Лю Г. Значение Октябрьской революции 1917 года для Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. № 4. С. 455-463.

⁴² Цао Л. Количественные оценки миграционных процессов // Успехи современной науки. 2017. Т. 3. № 4. С. 150-154; Чжоу В. Проблема социальной адаптации китайцев на Дальнем Востоке России // Социально-политические науки. 2019. № 5. С. 52-55; Цян Д. Социально-философский аспект изучения качества жизни китайцев, проживающих в России // Общество: философия, история, культура. 2021.

Собственно историей китайской диаспоры на Дальнем Востоке России в наши дни занимается целый ряд китайских авторов⁴³. Наиболее активно данную проблематику развивает профессор Хэйхэского университета, директор Хэйлунцзянского исследовательского центра культуры китайских мигрантов, директор Хэйлунцзянской Ассоциации истории и культуры китайцев в России Нин Яньхун. Ей принадлежат монографические работы и ряд статей по истории китайской диаспоры на российском Дальнем Востоке⁴⁴.

В КНР сложились несколько научных центров, в которых приоритетным направлением является изучение истории России и СССР, в том числе и истории китайской диаспоры российского Дальнего Востока. Созданы специальные научные центры в рамках институтов Китайской академии общественных наук (КАОН), а также при ведущих университетах

№ 11(91). С. 37-40; Чжан Л. Российские интересы в развитии китайского бизнеса: социально-экономические аспекты // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2009. № 3. С. 107-112.

⁴³ Инь Цзяньпин. Китайцы на Российском Дальнем Востоке: от «угрозы» до содействующего фактора для стабильного развития экономики ДВ [Электронный ресурс]. <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no6/yin1.pdf> (Дата обращения 14.09.2022).

⁴⁴ Нин Яньхун. 宁艳红. 旅俄华侨史 / 宁艳红. — 北京: 人民出版社, 2015. — 364 页. [История китайских эмигрантов в России]. Пекин, 2015. 364 с. (на кит. яз.); Нин Яньхун. 宁艳红. 旅俄华侨史料汇编 / 宁艳红. 哈尔滨: 黑龙江教育出版社, 2016. 373 页. [Сборник исторических материалов о китайских мигрантах в России]. Харбин, 2016. 373 с. (на кит. яз.); Нин Яньхун. 宁艳红. 百年华侨史 / 宁艳红. 广州: 暨南大学出版社, 2019. — 310 页. [Столетняя история китайских мигрантов]. Гуанчжоу, 2019. 310 с. (на кит. яз.); Нин Я., Цзян Д. О китайском мигранте Лю Цзэжуне и Ассоциации китайских рабочих, живущих в России // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. № 6-1. С. 51-58; Нин Я., Чжао Хуэйцин. О судьбах и историческом значении китайских предпринимателей на российском Дальнем Востоке (1858-1917) // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: материалы междунаро. науч. конф. Владивосток, 6-8 октября 2014 г. Владивосток, 2015. С.306-313 и др.

(в Пекине, Шанхае и др.). В частности, в провинции Хэйлунцзян (г. Хэйхэ) появился исследовательский центр по изучению культуры китайских мигрантов, а также была создана Ассоциация истории и культуры китайцев в России. Сотрудники этого центра плодотворно занимаются изучением истории китайской диаспоры на Дальнем Востоке России, сосредотачивая свое внимание на слабо изученных вопросах. Необходимо отметить работы молодой исследовательницы Чжао Хуэйцин, основное внимание уделяющей религиозной, общественной и культурной жизни китайской диаспоры⁴⁵.

В центре занимаются созданием базы данных о китайском присутствии в России в прошлом и настоящем, создают свой архив⁴⁶, активно сотрудничая в этом вопросе с российскими коллегами.

* * *

Подводя итог обзору историографии китайской диаспоры на российском/советском Дальнем Востоке, необходимо отметить: несмотря на постоянно увеличивающееся количество публикаций на данную тему, ряд аспектов жизни китайской диаспоры пока еще не нашёл достаточного освящения в трудах как российских, так и китайских учёных. Очевидно, что для более фундаментального освящения всех сторон жизни китайских мигрантов необходимо более тесное сотрудничество российских и китайских исследователей.

⁴⁵ Чжао Хуэйцин. Становление и развитие торговых отношений с Китаем на Дальнем Востоке в период с 1858 г. по 1938 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2018. №6. С. 49-52; Чжао Хуэйцин. Анализ культурных факторов в уставах китайских общественных организаций на Дальнем Востоке России // Вестник АГУ. 2018. №4. С. 236-241; Дударенок С.М., Чжао Хуэйцин. Общества китайских староцерковников в Приморском крае в 1920-1930-х годах // Клио. 2018. №12. С.75-84; Чжао Хуэйцин. Китайские общественные организации на Дальнем Востоке России (1920-1930 гг.) // Современная научная мысль. 2019. № 2. С.83-90; Чжао Хуэйцин. Развитие Китайской ленинской школы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. №4(49). С. 434-439; Чжао Хуэйцин.

Историческая роль китайских общественных организаций за рубежом // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2019. №4. С. 35-38; Чжао Хуэйцин, Дэн Хун, Дударенок С.М. Работа по ликвидации неграмотности среди китайских трудящихся в 1920-1930-е годы на Дальнем Востоке России // Власть истории — История власти. 2020. Том 6. Часть 6. (№24). С. 896-909; Чжао Хуэйцин, Сунь На, Дударенок С.М. Педагогические кадры Китайской Ленинской школы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2020. №11. С. 41-45; Чжао Хуэйцин, Мэн Фаньхун, Дударенок С.М. Китайский северный театр во Владивостоке (по материалам архивных документов) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2021. №11-2. С. 45-51.

⁴⁵ Фу С. Построение тематических баз данных в библиотеках китайских университетов (на примере построения тематической базы «Китайцы в России Хейхэского университета) // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 1 (27). С. 31-38; Фу С. Архивные материалы о китайской миграции на Дальний Восток и в Сибирь в поздний период правления династии Цин и раннего периода китайской республики // Казачество. 2021. № 52 (2). С. 134-141.

Х. Баярма,
кандидат педагогических наук,
Социально-гуманитарный институт
Монгольского университета образования

Преподавание истории в монгольских школах

Рассмотрим изменения в структуре, содержании и методике преподавания истории в средней школе Монголии с 1990 года по настоящее время. В особенности обратим внимание на реформы, проведенные за последние 20 лет, на их достижения и недостатки, а также на проблемы, стоящие перед историческим образованием сегодня, и возможные пути их решения.

Со времён начала демократических преобразований в Монголии прошло более 30 лет. За этот период было проведено много реформ в общеобразовательной школе. В результате структура общего образования и система преподавания претерпели важные изменения. Обновляются также содержание и методика обучения. Отметим, что среди всех школьных предметов именно история претерпела самые радикальные изменения.

Исследователи отмечали, что реформы были связаны с новыми потребностями нашего общества и с социальной реорганизацией, происходившей в Монголии, при необходимости сохранять и развивать достоинства прошлой системы, устранять имевшиеся в ней недостатки в области исторических исследований и преподавания истории¹.

На сегодняшний день актуальным остается вопрос совершенствования системы преподавания, содержания и методик обучения истории, повышения их эффективности. Поэтому

¹ Басанжав З. Некоторые вопросы о традициях и реформе преподавания истории // Проблемы преподавания отечественной истории: традиция и реформы. Улан-Батор, 2021.

так важно проанализировать результаты реформ, проведенных с 1990 года, особенно за последние двадцать лет, и выявить допущенные ошибки – с учётом процесса пересмотр учебных программ, который должен завершиться к 2024 году.

В своём исследовании О.Пурэв на основе анализа учебных программ средней школы кратко остановился на актуальных проблемах исторического и обществоведческого образования, а также на вопросах теории и методики преподавания (до 2012 года), а исследователь З.Басанжав сделал обзор реформ, проведенных в области исторического образования в средней школе в аспектах учебного плана, программ, содержания, методики обучения и обновления учебников². Однако проблема и на сегодняшний день остаётся недостаточно исследованной.

Весь процесс реформирования данной сферы можно условно разделить на три периода – на основании принципов изменение структуры общего образования и системы преподавания истории. Рассмотрим главные изменения, характерные для каждого периода.

1. 1991-2004 годы – переходный период к новой структуре общего образования и преподавания истории (4+4+2 вместо 3+5+2)

Отправной точкой образовательной реформы стал закон “Об образовании” 1991 года. По новому закону продолжительность начального образования составляет 4 года, основного среднего образования – 8 лет, полного среднего образования – 10 лет. С 1991–1992 учебного года структура и содержание преподавания истории существенно изменилась, и теперь она изучается в соответствии с новой структурой. Предусмотрено включение «Истории края» в I – III классах, «Сведений

² См.: Пурэв О. Актуальные проблемы исторического и обществоведческого образования. Улан-Батор, 2016; Басанжав З. Некоторые вопросы о традициях и реформе преподавания истории.

по отечественной истории и культуры» в IV классе, «Краткой истории цивилизации» в V – VI классах, «Истории Монголии» в VII – VIII классах. В эти переходные годы (1992 – 1998) в учебную программу был включён только перечень тем изучаемого материала.

Основное внимание уделяется реформированию содержания учебников. В рамках преподавания истории Монголии увеличено количество часов на изучение истории монгольского традиционного общества (до 1921 года). Одним из направлений обновления содержания курса истории стал отказ от преобладания политической истории. С середины 1990-х годов цивилизационный подход начинает рассматриваться как основная альтернатива формационному. Например, учебники для V – VI классов получили название “Краткая история цивилизации”. Это была первая попытка авторов учебников применить цивилизационный подход. Но структура учебников включала в себя только текст как главный компонент, а вне-текстовые вспомогательные компоненты отсутствовали.

Главным достижением этого периода стал переход к государственным стандартам. В 1998 году начали разрабатываться образовательные стандарты в рамках общей и образовательной политики, проводилось их экспериментальное введение в школьную программу, но в самом стандарте возобладала тенденция разработки изучаемого содержания на основе исторических наук, поэтому в 2004 году были вновь разработаны новые стандарты, ориентированные на формирование у учащихся ключевых навыков и компетенций³.

В июне 2009 года были подведены первые итоги апробации образовательного стандарта: выяснилось, что идеи и подходы, в нём заложенные, были фактически не реализованы. Вновь было обращено внимание на необходимость разработки национальных программ. При поддержке международных органи-

¹ Басанжав З. Методика обучения истории. Улан-Батор, 2010. С. 61.

заций, работающих в образовательной сфере, в Монголии с помощью различных инновационных программ и проектов начала проводиться идея личностно-ориентированного, креативного обучения⁴.

2. 2005-2015 годы, или переходный период к 11-летней, а затем 12-летней школе

В 2005 году общеобразовательные школы Монголии перешли на 11-летнюю систему обучения по схеме 5+4+2. В мае 2005 года по приказу министра образования, науки, культуры и спорта был утверждён переходный учебный план, изменивший структуру преподавания истории. В III – V классах начальной школы изучается курс «Человек и общество», в VI – VII классах – курс всемирной истории, в VIII – IX классах – курс истории Монголии. Содержание школьной учебной программы было пересмотрено, были напечатаны новые учебники. Впервые в каждом классе начали использоваться вариативные учебники.

Однако такая структура просуществовала недолго: в 2009 году в связи с переходом на 12-летнюю систему обучения приказом министра образования, науки, культуры и спорта была утверждена новая учебная программа переходного 7-го класса. Часы на изучение «всемирной истории» были сокращены до 70, то есть вдвое. Затем, в 2010 – 2011 годах, был издан приказ, утвердивший учебный план VIII – IX классов, в котором предусмотрено, что курс «История-II» и «История-III» будет изучаться по 70 часов каждый. Впервые произошёл отказ от традиционной линейной системы исторического образования и состоялся переход на концентрическую систему. Появилась возможность изучения тех же вопросов и тем, которые

² Энхбаяр, Д. Трансформация системы образования Монголии. <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sistemy-obrazovaniya-mongolii>. Дата обращения: 02.10.2022

преподавались в основной школе, на расширенной основе. Приказом министра образования, науки, культуры и спорта от декабря 2011 года «Об утверждении школьного учебного плана и программы 12 летней общеобразовательной школы» в рамках курса «История-IV» в X классе начали изучаться актуальные вопросы всемирной истории и истории Монголии. В содержательной части новых учебных программ 12-летней школы, разработанных в 2008 – 2012 годах, было специально заложено приобретение определённых навыков и умений; были также переизданы учебники. Продолжалось внедрение различных инновационных программ и проектов по методике обучения, например, практиковался японский опыт преподавания так называемых “исследовательских уроков”.

3. С 2015 года до нынешнего дня – переход к новой структуре преподавания истории

В 2012 году правительство Монголии утвердило национальную программу под названием “Правильный монгольский ребёнок». В 2015 году Великим хуралом было утверждено новое постановление – «Политика в области образования». В документах определялись стратегические задачи новой концепции образовательной системы Монголии. Новая концепция политики в области образования сделала задачу «развития каждого ребенка» основой разработки так называемой “Ядро-программы”⁵.

Серьёзные изменения были внесены в изучение истории. Школьники впервые знакомятся с историей в IV классе в ходе изучения такого предмета, как “Человек и общество”. Систематическое изучение истории начинается с VI класса основной школы. Монгольские школьники в VI-ом классе изучают Историю Древнего мира и Древнюю историю Монголии. На

¹ «Ядро-программа» среднего образования. URL: http://www.mecss.gov.mn/data/1409/Tsum_booklet.pdf. (монгол. яз.) Дата обращения: 02.10.2022

занятия историей в VI-ом классе выделен 1 час в неделю. А в VII – IX классах на изучение предмета отводятся 2 часа в неделю. В VII классе школьники изучают Историю Средних веков и средневековую историю Монголии, в VIII классе – Новую историю зарубежных стран мира и Монголии, в IX классе изучают Новейшую историю зарубежных стран и Монголии. В X – XI классах изучается история Монголии.

Эти радикальные изменения были связаны с проблемами выстраивания процесса преподавания всеобщей и отечественной истории и с нехваткой количества часов, выделяемых на её изучение. При разработке программы был перенят опыт некоторых стран, при этом был выбран новый подход к построению системы преподавания – в духе монголоцентричной всемирной истории. Основная идея нового подхода заключалась в изучении всемирной истории применительно к монгольской истории. В соответствии с новыми программами были разработаны все учебники по истории.

Таким образом, за последние 30 лет структура школьного исторического образования менялась 4 раза, соответственно пересматривались учебные программы и учебные пособия. Новые учебники использовались в лучшем случае ещё в течение 4 – 7 лет и вскоре вышли из обращения. В ходе каждого нового цикла после парламентских выборов новое правительство проводит реформы в сжатые сроки, без каких-либо исследований, наспех, без изучения результатов, сильных и слабых сторон предшествовавших преобразований, при этом часто меняет учебники и учебные программы, что отрицательно сказывается на самом ходе историческом образовании.

Результаты, полученные в ходе оценки качества исторического образования за 2017 – 2018 годы, показывают недостаточный уровень выполнения учащимися средних школ

⁶ Преподавание истории: реализация, проблемы и решения. Ред. Гантулга Ц. Улан-Батор, 2021. С. 53.

заданий по истории. В 2017 году средняя оценка выполнения заданий составила 39,3 процента, в 2018 году – 48,1 процента⁶.

В 2019 году было проведено три общенациональных обсуждения реализации учебных программ общеобразовательной школы и факторов, влияющих на неё, а также были организованы опросы по качеству учебников среди преподавательского состава. Учителя истории, участвовавшие в исследовании, назвали слабые стороны новых учебников: очень сжатый авторский текст, крайняя скудость систематических сведений, отсутствие логических связей в нарративе при обилии документальных фрагментов, иллюстративного материала и разнообразных заданий, несоответствие вопросов и заданий возрасту учащихся и т.д. Действительно, по сравнению с учебником «История Древнего мира» 1985 года издания, объем учебника «История VI» стал меньше вдвое.

В 2019 году на основе результатов проведённых исследований была обновлена программа и улучшено качество учебной литературы. Кроме того, были изданы “Руководство по обучению для реализации учебной программы” и “Критерии оценки” по каждому курсу.

Еще в 2018 году, чтобы сохранить преемственность государственной политики в области образования и исключить частое обновление программ и учебников без каких-либо оснований, приказом министра «О методике совершенствования учебного плана общеобразовательной школы Монголии» № А/549 был утверждён так называемый «Цикл управления программой на 10 лет».

Как же повлияли рассмотренные реформы на современное состояние преподавания истории? Чего мы добились?

Отметим некоторые достижения.

- Продолжающиеся реформы, как показали исследования, дали широкие возможности для обновления содержания курса.
- Разработаны образовательные стандарты и программы,

поставлены цели приобретения не только знаний, но и навыков и компетенций,

- В преподавание истории внедрены современные активные методы обучения, улучшена обработка внетекстовой информации в учебниках.

Однако существуют и некоторые недостатки в преподавании истории в школе.

- Недостаточное количество часов, выделенных для изучения истории; например, в VI классе на предмет отводится 1 час неделю, то есть всего 34 часа в течение учебного года. Учителя и ученики обрекаются на спешку, которая препятствует как усвоению знаний, так и формированию умений и компетенций.

- Поспешный переход к концентрической структуре без изучения нынешних условий преподавания истории. Сегодня один из способов сэкономить время обучения — это переход на линейную систему.

- Недостатки содержательного построения системы преподавания истории в монгольских школах. Новый подход – изучать всемирную историю на фоне истории Монголии – сегодня не выдерживает критики историков и педагогов.

- Состояние учебной литературы – весьма болезненная проблема школьного исторического образования. Сегодня учебник является единственным учебным пособием по истории, но за последние десять лет идёт непрерывное снижение объёма материала, его упрощение и примитивизация. Необходимо разнообразить учебные материалы и повысить их качество, разрабатывать и использовать различного рода хрестоматии, сборники упражнений и задач, исторические и географические карты, книги для внеклассного чтения и т.д.

В. Ц. Головачёв
кандидат исторических наук,
Институт востоковедения РАН, Москва

Школьные учебники по истории в странах Азии в современной англоязычной научной периодике

Тема азиатских школьных учебников истории широко обсуждалась в англоязычной научной периодике первого двадцатилетия XXI века. Дискуссии ведут учёные многих стран, что видно по подборке номеров семи научных журналов, изданных в Англии, Германии, Нидерландах и США с 2002 по 2021 год. Этот комплекс периодики содержит целый ряд вопросов, дающих общее представление об особенностях и тенденциях современных исследований. В него вошли спецвыпуск по теме учебных программ по истории и спецвыпуск по учебникам истории в Азии, а также отдельные статьи в профессиональных научных журналах по заявленной проблематике. Спецвыпуск (7 статей) и тематический выпуск (4 статьи) включают серии публикаций по 7 странам и регионам, а ещё 7 отдельных статей посвящены учебным программам и учебникам истории в Китае (4 статьи), Японии (1 статья), Индии и Пакистане (1 статья). *(См. Табл. 1)*

Представим кратко содержание статей, сгруппированных по странам: Малайзия, Индия и Пакистан, Корея, Япония, Тайвань, Гонконг, КНР.

Малайзия. В статье Cheah Boon Kheng «Этничность, политика и учебники истории в Малайзии» (2003)¹ ставится вопрос, почему преподавание малайской истории остается столь спорной сферой для всех этнических групп в стране с

¹ Cheah Boon Kheng. Ethnicity, Politics, and History Textbook Controversies in Malaysia // American Asian Review. Special Theme: History Textbooks in Asia. 2003. Т. 21. № 4. С. 229-252.

Таблица 1

№	Журнал	Кол-во статей	Страна, регион (объект исследования)	Год и место издания
1	International Journal of Educational Research (Special Edition)	7	КНР, Гонконг, Тайвань, Япония, Англия	2002 Нидерланды
2	American Asian Review (Special Theme: History Textbooks in Asia)	14	КНР и Гонконг, Корея, Малайзия, Япония	2002, 2003 США
3	South Asian History and Culture	1	Индия, Пакистан	2010 Англия
4	Journal of Current Chinese Affairs	1	КНР	2018 Германия
5	Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education	1	КНР	2010 Англия
6	Asia Pacific Journal of Education	2	КНР и Китайская Республика	2019, 2021 Англия
7	Journal of Educational Change	1	КНР	2021 Нидерланды

момента обретения независимости в 1957 году. Автор считает, что, из-за политического господства малайцев в полиэтничной Малайзии местные учебники истории имеют сильный малайский крен, что этой темой манипулируют правящие группы и некоторые историки, отражающие интересы малайского большинства в ущерб другим этносам. Споры же вокруг учебников истории в Малайзии сводятся в основном к проблемам расовой справедливости в отношении этнических мень-

шинств, равенства и признания роли и вклада их общин в историческое развитие страны.

Индия и Пакистан. Статья американского автора Санжэй Йоши «Спорные истории и националистические географии: сравнение школьных учебников в Индии и Пакистане» (2010)² посвящена исследованию того, как в учебной литературе двух стран из общего прошлого *выводятся две различные истории*. По мнению автора, центральное место в этом процессе занимает способ размещения историй двух наций в рамках различного воображаемых географических регионов. Индийские учебники представляют *естественность* Индии через географию и картографию, впервые созданные ещё в колониальную эру. Влияния за пределами этих «естественных» границ считаются «чужеземными» для индийской истории или культуры.

Воображаемая география Пакистана выглядит иным образом. Принося значение субконтинентальных связей (внутри полуострова Индостан), пакистанские учебники подчеркивают «естественную» близость Пакистана к исламскому миру. В итоге, такие националистические выстроенные географии учат школьников в Индии и Пакистане воображать себя не только наследниками разного прошлого, но и обитателями разных географических пространств, в то время как они могут жить не более чем в 50 милях друг от друга, а их бабушки и дедушки вполне могли жить вместе как близкие соседи.

Южная Корея. Статья Сары Со Чонхи (Chunghhee Saragh Soh) «Интерпретация южнокорейского возмущения по поводу японских учебников истории» (2003)³ освещает причины конфликта по поводу японских учебников истории, возникшего

² Sanjay Joshi. Contesting histories and nationalist geographies: a comparison of school textbooks in India and Pakistan // South Asian History and Culture. 2010. Т. 1. № 3. С. 357-377.

³ Chunghhee Saragh Soh. Interpreting South Korea's Furor Over Japanese History Textbooks // American Asian Review. Special Theme: History Textbooks in Asia. 2003. Т. 21. № 4. С. 145-178.

в начале 2000-х годов в Южной Корее. Коллективная память корейцев об истории связей с Японией таит глубокую психотравму, породившую требования «рассчитаться за прошлое» с Японией и удалить из японских учебников этноцентричную подачу событий прошлого. Статья исследует документ от мая 2001 года, когда Сеул потребовал от Токио исправить 35 «ошибочных, искажающих и урезанных или опущенных» позиций в восьми японских школьных учебниках истории. Гнев и протесты южных корейцев против «искажений истории» японцами автор трактует как «коллективный комплекс жертвы-победителя». А для сравнения обсуждает и публичную реакцию японцев, включая их встречные требования внести ряд исправлений в корейские учебники. В целом, по мнению автора, данный конфликт объективно способствовал новым исследованиям и диалогу, ведущим к более взвешенному и точному пониманию перипетий истории двух стран.

Япония представлена четырьмя статьями. Две освещают споры по поводу учебников в самой Японии, а две содержат сравнения японских и китайских, а также японских и английских учебников истории. В статье Йошико Нодзакэ «Японская политика и контроверза учебников истории, 1982–2001» (2002)⁴ сообщается, что споры о трактовке военного прошлого в японских учебниках касаются нескольких знаковых проблем вроде запрета на термин «агрессия», но мало освещают споры внутри государства и правящего блока, среди японских партий, политиков и чиновников Министерства образования. Статья также показывает борьбу с официальными установками, которую вели авторы учебников, работники образования и часть общественности.

В статье «Преподавание истории империй в Японии и Англии» Питер Кэйв (2002)⁵ сравнил преподавание исто-

⁴ Yoshiko Nozaki. Japanese politics and the history textbook controversy, 1982–2001 // International Journal of Educational Research. 2002. Т. 37. № 6-7. С. 603-622.

рии Японской империи в 1895–1945 годах в школах Японии с преподаванием в Англии колониальной истории Британской империи. Автор пишет, что мировая критика преподавания истории в Англии была явно слабее подобной критики в адрес Японии. И в Японии, и в Англии учебные курсы выделяют слишком мало часов на изучение имперского прошлого. В обеих странах для изменения способов преподавания детям темы империализма необходимо менять всю философию и практику преподавания истории.

Статья Томоко Хамада «Конструирование национальной памяти: сравнительный анализ учебников истории для средних школ в Японии и КНР» (2003)⁶ разбирает тексты учебников с акцентом на ключевые события истории. Сравнив три одобренных в 2001 году Министерством образования Японии учебника с одним государственным учебником истории в КНР, автор показал, как описания конкретных событий формируют легенду о конфликтах между двумя странами. Автор разобрал три инцидента времён японской агрессии в Китае: 1) Мукденский инцидент 18 сентября 1931 года в Маньчжурии (предвестие Второй мировой войны на Дальнем Востоке); 2) инцидент 7 июля 1937 года у моста Лугоуцяо (начало прямой японской агрессии в Китае); 3) Нанкинская бойня 1937 года. Эти инциденты лежат в центре давних споров Японии со странами-соседами, помимо таких острых тем, как «женщины комфорта», массовые расправы, атомные бомбардировки, ремилитаризация, официальные извинения правительства по поводу визитов в храм Ясукуни и т.д. Как показал анализ, авторы японских учебников склонны представлять Японию жертвой, которую толкнула к агрессии конкуренция со странами Запада. Но и

⁵ Peter Cave. Teaching the history of empire in Japan and England // International Journal of Educational Research. 2002. Т. 37. № 6-7. С. 623-641.

⁶ Hamada Tomoko. Constructing a National Memory: Comparative Analysis of Middle-School History Textbooks from Japan and the PRC // American Asian Review. Special Theme: History Textbooks in Asia. 2003. Т. 21. № 4. С. 109-144.

учебник КНР также однобоко излагает историю – в манере сюжетов пекинской оперы или народных сказок, где «злодей» (Япония) полностью побеждён, а «герой» (КПК) побеждает и законно правит народом. В учебнике КНР также довлеет «ханьскоцентричная» версия китайской истории, при явной нехватке истории «нацменьшинств».

Тайвань. В статье двух тайваньских авторов «Проблемы идентичности в программе истории Тайваня» (2002)⁷ отмечается, что особая политическая среда на Тайване сделала вопрос национальной идентичности ключевой спорной темой в школьных программах истории. Авторы показывают, как менялась роль национализма в этих программах начиная с 1980-х годов, как влияла на ситуацию политика и как шло смещение фокуса с Китая на Тайвань. До 1990-х годов в школах острова неизменно подчеркивалась китайская идентичность, тогда как *тайваньская* идентичность акцентируется лишь с «недавних пор», по мере демократизации и перехода власти от Гоминьдана к «коренным» тайваньцам.

Гонконг. В статье «Политика исторического образования в Гонконге: пример местной истории» (2002)⁸ Э. Викерс отмечает, что в Гонконге предмет истории часто воспринимали как орудие «колониалистской» пропаганды при британском правлении и «националистской» индоктринации после передачи Гонконга Китаю в 1997 году. Сам автор видит картину более сложной. С конца 1980-х годов попыткам преподавать историю Гонконга с позиций реальной местной перспективы мешал прессинг «политкорректных» трактовок идентичности и статуса Гонконга, а также общая слабость политической автономии Гонконга. В статье Эдварда Вickers и Флоры Кан

⁷ Meihui Liu, Li-Ching Hung. Identity issues in Taiwan's history curriculum // International Journal of Educational Research. 2002. T. 37. № 6-7. С. 567-586.

⁸ Edward Vickers. The politics of history education in Hong Kong: the case of local history // International Journal of Educational Research. 2002. T. 37. № 6-7. С. 587-602.

«Переобучение Гонконга: идентичность, политика и образование в постколониальном Гонконге» (2003)⁹ указано, что китайская этничность здесь является одним из элементов тройной идентичности: локальной, всекитайской и интернациональной. Культивируя однородную «китайскость» (Chineseness), власти Гонконга намеренно берут в фокус детей, а основой учебных программ делают патриотизм и верность «одному Китаю». Такой политический фон мешает вводить в учебники описания национального и местного прошлого, отличные от одобренных Пекином. По мнению авторов, в школах надо давать навыки критического анализа исторических связей Гонконга с КНР, Британией и остальным миром. Но этому мешают ревизии программ, форсирующие концепцию «китайскости» Гонконга.

КНР. Шесть статей, вышедших в 2002 – 2021 годах о школьных учебниках в Китае, затрагивают период Китайской республики (1912–1949), эпоху после Мао и современный период (1990–2000-е годы).

В статье Люй Чжао-цзинь «Реконфигурация Китая: анализ учебников истории в Китайской республике (1912–1949)» (2021)¹⁰ отмечается, что нациестроительство в новом Китае в начале XX века разрывалось между этнонационализмом и запросом на многонациональную идентичность. Этот парадокс проявился и в учебниках истории. Анализ разделов в восьми учебниках истории для средней школы, посвящённых имперскому периоду истории Китая, показал, как менялись в них ханьский национализм и тезис «китаизации» некитайских народов ханьхуа, решавший парадоксы китайского наци-

⁹ Edward Vickers, Flora Kan. The Reeducation of Hong Kong: Identity, Politics, and Education in Postcolonial Hong Kong // American Asian Review. Special Theme: History Textbooks in Asia. 2003. Т. 21. № 4. С. 179-228.

¹⁰ Zhaojin Lyu. Reconfiguring China: an analysis of history textbooks in the Republic of China (1912–1949) // Asia Pacific Journal of Education. Онлайн-публикация: 28.03.2021.

онализма.

Статья «Политика и реформа учебных программ по истории в Китае после Мао» (2002)¹¹ показывает, что в КНР в тот период всеобщее реформирование охватило и историческое образование, породив ростки плюрализма в учебниках и децентрализации учебных программ. Но «исторические вопросы» оставались «политическими», поэтому, зная их «чувствительность», работники образования действовали осторожно, в русле текущих «официально утверждённых» установок и традиций педагогики. Статья показывает, что и после Мао подача истории в учебных программах и через СМИ лимитируется и прямым госконтролем, и – косвенно – самоцензурой.

В статье английских исследователей «Использование прошлого для легитимизации настоящего: описание благого правления в китайских учебниках истории» (2018)¹² демонстрируется, как нарративы школьных учебников истории легитимируют правление КПК. Авторы учебников выявляют (или «строят») китайскую модель *благого правления* на базе идей Конфуция, Мэнцзы и великих правителей Китая. Эту модель затем прилагают к лидерам КПК, чтобы представить их радетелями древних традиций *законного правления*. Связь прошлого с настоящим подаётся неявно, без громких слов о том, что КПК восприняла конфуцианские образцы *благого правления* и дело *законных предшественников*. Но очевидные наложения традиционной и современной моделей легитимности представляются далеко не случайными.

Оставшиеся три статьи освещают место нации, национальностей и нацменьшинств в новейших учебниках истории в КНР. В статье «Нациестроительство: репрезентация *миньцзу*

¹¹ Alisa Jones Pages. Politics and history curriculum reform in post-Mao China // International Journal of Educational Research. 2002. Т. 37. № 6-7. С. 545-566.

¹² Weatherley Robert, Coirle Magee. Using the Past to Legitimise the Present: The Portrayal of Good Governance in Chinese History Textbooks // Journal of Current Chinese Affairs. 2018. Т. 47. № 1. С. 41–69.

и Чжунхуа Миньцзу в китайских учебниках для начальных школ» (2018)¹³ исследуется роль школы в нациестроительстве КНР путём выявления того, как даются концепты *миньцзу* (национальности) и *Чжунхуа Миньцзу* (Китайской Нации) в учебниках для начальных школ по языку и обществоведению. Автор продемонстрировал, как двойственность значения *миньцзу* помогает строить Чжунхуа Миньцзу и утверждать Китай в роли *единой полиэтничной страны*.

В статье «Описания “меньшинств” в китайских учебниках истории в 1990-х и 2000-х годах: наступление и отступление этнокультурной инклюзивности» (2019)¹⁴ отмечается: при изучении учебников истории часто упускают, каким образом описания нацменьшинств формируют общую картину полиэтничной нации. При сравнении двух школьных учебников по истории КНР, изданных в 1990-х и 2000-х годах, оказалось, что вместо сдвига к большей инклюзивности и полиэтничному видению «китайскости» (Chineseness), эти издания уходят ко всё более *ханецентричному* изложению истории Китая. По мнению автора, причиной этого стал сдвиг акцентов в характере образования после 1989 года – от ортодоксального социализма к более этноцентричному патриотизму.

Статья «Создание идентичности: реформа учебников истории и построение идентичности в современном Китае» (2021)¹⁵ описывает предпринимаемые сегодня в КНР шаги по ревизии учебников истории, призванные «сполна привить молодёжи верность социализму с китайской специфи-

¹³ Yiting Chu. Constructing minzu: the representation of minzu and Zhonghua Minzu in Chinese elementary textbooks // Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education. 2018. Т. 39. № 6. С. 941-953.

¹⁴ Fei Yan. Portraying “minorities” in Chinese history textbooks of the 1990s and 2000s: the advance and retreat of ethnocultural inclusivity // Asia Pacific Journal of Education. 2019. Т. 39. № 2. С. 190-208.

¹⁵ Yan, Fei; Zhong, Zhou; Wang, Haoning; Wen, Qiao. Grafting Identity: History Textbook Reform and Identity-Building in Contemporary China // Journal of Educational Change. 2021. Т. 22 № 2. С. 175-190.

кой». Авторы пишут, что реформа усилила место идеологии и национального дискурса в новом учебнике – в сравнении с версиями до 2003 года. Эти новшества укрепили позитивные взгляды учащихся и учителей на «китайскую модель», с её великой культурой, древней историей и централизованным правлением, а также способствовали росту националистических и антизападных настроений среди юных китайцев.

В целом политика, этничность и специфика исторических знаний очень сильно влияют на школьные учебники истории в странах Азии. Как говорил известный китайский чиновник XIX века Гун Цзы-чжэнь (1792–1841): «Хочешь познать Великий Путь, нужно прежде составить историю. [Хочешь] уничтожить чьё-либо государство, нужно прежде устранить его историю»¹⁶. Перефразируя Гун Цзы-чжэня, можно сказать: если хотите упрочить будущее страны, то давайте молодёжи хорошие учебники истории! Если хотите погубить страну, то уничтожайте преподавание истории! Учебники истории всегда работали на формирование и укрепление у учащихся чувства и сознания национальной принадлежности, чаще всего – через размежевание отечественного «своего» и зарубежного «чужого». Вопрос *консолидации на базе исторической памяти* без демаркаций и упора на антагонизмы прошлого и настоящего также ставится авторами современных школьных учебников истории в Азии, но он пока открыт и далёк от должного, объективного и оптимального воплощения.

¹⁶ 龚自珍:欲知大道,必先为史.灭人之国,必先去其史.

С.А. Ескалиев,
кандидат исторических наук,
Национальная академия образования
имени И. Алтынсарина, Казахстан

Вклад казахстанцев в великую Победу в учебных программах и учебниках истории Республики Казахстан

Преподавание истории в Республике Казахстан имеет первостепенное значение в деле формирования исторического сознания подрастающего поколения. Каждый урок истории в школе служит изучению исторического опыта человечества и познанию мира. Образовательные задачи и воспитательные цели реализуются в наилучшем виде тогда, когда имеется целенаправленность процесса обучения, когда совершенствуются методики и дидактики преподавания отдельных разделов и присутствует обширная база учебно-наглядных материалов.

История Второй мировой войны как раздел курса Новейшей истории изучается в Казахстане в 9 и 11-м классах¹. В соответствии с общими принципами построения образовательной программы по истории, события изучаемой эпохи подаются в линейном, хронологически последовательном виде. Тематика школьных уроков, посвящённых истории Великой Отечественной войны, всегда сохраняет свою актуальность – как опыт и урок величайшей трагедии человечества, связанной с вызовами нацизма и их преодолением. Значение этой темы возрастает с учётом контекста новейшей истории человечества, характеризующейся противостоянием различных идеологий, претендующих на то, чтобы стать основой формирования нового миропорядка, и чреватых угрозой новых мировых войн.

¹ Типовая учебная программа по учебному предмету «История Казахстана» для 5-9 классов уровня основного среднего образования по обновленному содержанию // Приложение к приказу № 334 министра образования и науки от 26.06.2019.

В школьную программу включены разделы и темы, в рамках которых изучаются важнейшие факты, события и люди эпохи Великой Отечественной войны; особо отмечается вклад казахстанцев в дело Победы. Например, только в 9 классе по предмету «История Казахстана» на изучение этой темы выделяется до 12 часов. На школьных уроках истории учителя рассказывают о Великой Отечественной войне, объясняя в процессе обучения причины и предпосылки Второй мировой войны, разбирают ход военных операций, а также знакомят школьников с картами военных сражений, показывают места битв и батальей.

Казахстан за годы Независимости успешно развивает систему образования в стране. Реформы в сфере образования затронули не только область материально-технического обеспечения, но и учебно-методическую деятельность. Программа образовательной деятельности учреждений среднего образования качественно улучшается из года в год. Программа развития исторического знания также претерпела качественные изменения. Содержание учебников истории, учебно-методического комплекса исторических предметов значительно изменились в соответствии с современными стандартами.

Развитие школьной программы в Казахстане включает формирование учебных навыков учащихся, в том числе навыки критического мышления и анализа, умения устанавливать причинно-следственные связи, проводить различную работу над историческими источниками для проведения историко-сравнительного изучения документов по истории Великой Отечественной войны, в том числе, в рамках отдельных видов самостоятельных, проектных работ.

С каждым годом расширяется круг новых архивных данных по истории военных лет. Развивается школьное краеведение, включающее сбор новых материалов, воспоминаний участников войны, фотоиллюстраций и пополнение музейных фондов. В настоящее время разрабатывается также методика

проведения школьных занятий в музеях, что также полезно для закрепления исторических знаний у учащихся.

В ресурсах интернета размещены новые образовательные контенты по теме истории Великой Отечественной войны для школьников. Их востребованность особенно повысилась в условиях пандемии Covid-19, когда учреждения среднего образования были вынуждены перейти на онлайн-обучение. Так, ресурс «Bilim-land» (дословно переводится как «Страна Знаний») представляет школьникам нашей страны онлайн-уроки по истории, среди тем уроков присутствует и «Казахстан в годы Великой Отечественной войны».

Задачи урока подразумевают анализ хода исторических событий Великой Отечественной войны, определение роли Казахстана в усилении обороноспособности страны, рассказ о патриотизме людей, о героизме воинов, и даёт справедливую оценку всенародного характера отпора врагу. Ресурсы <http://bilimland.kz/> и www.iTest.kz включают, помимо лекционного курса (к главе V «Казахстан в годы Великой Отечественной войны»), вопросы и тесты, иллюстрации, карты, таблицы, схемы и выставку книг о Великой Отечественной войне. Как правило, уроки проходят в интерактивном формате, школьники используют мультимедийные ресурсы, карты, наглядные пособия, технические средства обучения, практикуется онлайн-обучение, и т.д.

Кроме уроков истории тема Великой Отечественной войны находит широкое освещение и на уроках литературы: изучаются произведения писателей и поэтов-фронтовиков, мемуары участников войны, к примеру, известнейшие романы Абдижамила Нурпеисова – «Курляндия», трилогия «Кровь и пот», переведённые на 30 языков народов мира.

В Великую Отечественную войну Казахстан вступил как составная часть Советского Союза. Поэтому, с точки зрения современного суверенного Казахстана, война является частью нашей истории. Место и вклад Казахстана в дело победы над

гитлеровской Германией – значительный и многие факты истории этого времени хорошо изучены в научных работах. Многочисленные труды ученых отражают характер участия Казахстана в развитии гражданской и военно-промышленной сфер в годы войны. Наша страна в те годы, как одна из союзных республик, не только стала местом эвакуации промышленных предприятий и источником людских ресурсов для мобилизации, но, в первую очередь, представляла собой важную материальную базу обороны.

На территории Казахстана формировались воинские части, которые отправлялись на участки кровопролитных сражений с гитлеровской Германией. В ряды советской армии были призваны 1 млн 200 тыс. казахстанцев, не считая почти 200 тыс. уже служивших в армии СССР к моменту начала войны. Около 700 тысяч воинов-казахстанцев погибло на этих фронтах. Основная масса казахстанцев влилась в действующую армию, примерно треть была зачислена в соединения и части, создававшиеся в республике. Это были 12 стрелковых и 4 кавалерийских дивизии, 7 стрелковых бригад, около 50 отдельных полков и батальонов различных родов войск. Из этого числа 3 кавалерийские дивизии и 2 стрелковые бригады были сформированы как казахские национальные соединения. Основная часть этих подразделений, то есть 859 тысяч воинов, участвовали в самых тяжелых, кровопролитных сражениях Великой Отечественной войны с июня 1941 по декабрь 1942 года. Созданные сверх мобилизационных планов, многие из добровольцев, они почти наполовину состояли из коммунистов и комсомольцев и до передачи в действующую армию содержались и обеспечивались обмундированием и многими другими видами довольствия, обозом и снаряжением за счет республиканского бюджета и добровольных взносов населения².

² Архив Президента РК. Ф. 708, Оп.9. Д.114. Л. 34 – 38.

Республика внесла достойный вклад и в подготовку офицерских кадров. В военные учебные заведения в 1941 – 1945 годах было послано более 42 тыс. молодых казахстанцев, а существовавшие на территории республики 27 военных учебных заведений выпустили (по неполным данным) 16 тыс. офицеров. Кроме того, в связи с критическим положением на фронте 10,5 тыс. курсантов отправились на фронт сержантами и 10 тыс. человек – рядовыми³. За те же годы в подразделениях Всевобуча, Осоавиахима, спортивных и других обществ прошли курс начальной подготовки бойца около 2 млн. человек.

312-я стрелковая дивизия, сформированная в Актобе, героически и доблестно сражалась на подступах к Малоярославцу под Москвой, под Тарутино, у деревни Каменка, на Варшавском шоссе. Актюбинская 312-ая дивизия просуществовала короткое время, но заслужила высокую оценку командования. Маршал Жуков, вспоминая битву за Москву, отметил: «На подступах к Малоярославцу героически сражались части 312-ой стрелковой дивизии полковника А.Ф.Наумова»⁴.

Идя навстречу пожеланиям трудящихся Казахстана, ЦК КП/б/Казахстана и СНК Казахской ССР в ноябре 1941 года принимает решение о формировании за счет местных ресурсов ряда воинских частей, в том числе и 101-й стрелковой бригады в Актобе. 101-я Отдельная стрелковая бригада начала свое формирование 1 декабря 1941 года. Её командиром был назначен С.Я.Яковленко. В своем составе эта бригада имела 3 отдельных батальона, минометный батальон, батальон связи, артиллерийский и минометный дивизионы, минометную батарею, а также другие боевые подразделения⁵. Состав бригады в основ-

³ Из исторических формуляров военных учебных заведений, хранящимся в Центральном архиве МО РФ.

⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 3-е изд. М., 1978. Т.2, с.24.

⁵ Государственный архив Оренбургской области. Ф.13. Оп.11. Д.218. Лл.2, 38.

ном был укомплектован физически здоровыми и политически устойчивыми людьми; партийно – комсомольская прослойка составляла 50 процентов⁶.

Судьба многих воинов–казахстанцев связана с городами-героями. Наши земляки участвовали в обороне городов-героев Москвы, Ленинграда, Сталинграда, в освобождении Киева, Минска и др. Герой Советского Союза летчик В.Г. Козенков осенью 1942 года получил свой первый самолет и боевое крещение под Сталинградом, громил фашистов в Севастополе. Герой Советского Союза Ф.Ф.Озмитель в 1941 году участвовал в боях за Ленинград и Москву. Герой Советского Союза Н.И.Оноприенко, родившийся в Уиле, сражался на Курской дуге, освобождал Украину и Белоруссию, Польшу, был награждён орденами «Красного Знамени», Суворова 3-й степени, Кутузова 3-й степени, Александра Невского, многими медалями⁷. Наши герои с освободительными боями прошли по территории Румынии, Болгарии, Польши, Венгрии, Чехославакии, Югославии, Германии.

Боевыми орденами и медалями СССР были награждены более 100 тысяч воинов из Казахстана. Более 500 человек удостоены звания Героя, среди них были казахские девушки – снайпер Алия Молдагулова и пулемётчица Маншук Маметова. Выдающимися героями войны стали полковник, а позже писатель Бауыржан Момыш-ұлы, десантник, партизан и писатель Касым Кайсенов, лейтенант Рахымжан Кошкарбаев, водрузивший знамя Победы над рейхстагом. Известно имя Толеугали Абдыбекова, который вошел в двадцатку лучших снайперов Великой Отечественной войны, уничтожив 395 врагов.

Историческая правда о войне с гитлеровской Германией всегда должна присутствовать на страницах школьных программ и учебников истории. Имена героев вписаны золотыми

⁶ Там же. Л.38.

⁷ История Актюбинской области. Актюбе, 2006. С. 389.

буквами в славную историю Победы над нацизмом. На примерах мужества и героизма таких воинов целые поколения школьников воспитываются патриотами, готовыми всегда защитить свою Родину.

В заключение необходимо отметить, что тема истории Великой Отечественной войны всегда будет приоритетной в школьной и вузовской программе в Казахстане.

В.А. Перминова,
кандидат исторических наук,
Институт востоковедения РАН

1990-е годы: «обновление» памяти об антияпонской войне в Китае

Проблемы исторического прошлого являются одним из важнейших факторов, осложняющих японо-китайские отношения на протяжении последних десятилетий. Вопросы, связанные с интерпретацией событий Второй мировой войны и, в частности, японо-китайской войны 1937–1945 годов, всё ещё остаются весьма болезненными для КНР. Призывы к Токио признать ответственность за агрессию и военные преступления Японской империи в Азии в первой половине XX века то приглушаются на волне улучшения японо-китайских отношений, то вновь актуализируются, повышая уровень напряжённости двусторонних отношений до критического. Подобные сложности обусловлены не только политическими и экономическими факторами, но и особенностями сформировавшейся у народов двух стран исторической памяти о военных событиях прошлого.

Данная работа посвящена изучению особенностей восприятия китайцами событий антияпонской войны и влиянию исторической памяти на отношения между Пекином и Токио в период реализации курса на усиленное «патриотическое воспитание» китайской молодёжи, когда был отмечен значительный рост националистических и антияпонских настроений в КНР.

По мере того, как в Китае стала реализовываться политика «реформ и открытости», в обществе постепенно происходило переосмысление не только политико-экономической модели государства, но и собственной истории, а также роли Китая в мировых процессах. Помимо этого, в 1980-е годы произошли

события, которые способствовали такому переосмыслению – это пересмотр оценок военных событий в Японии. В 1982 году были внесены поправки в учебники истории, где приукрашивалась политика японских властей в 1930 – 1940-х годах¹. А в 1985 году состоялся визит премьер-министра Накасонэ Ясухиро 中曾根康弘 в храм Ясукуни (яп. – ясукуни-дзиндзя 靖國神社) (15 августа) – в день, когда в Японии отмечается окончание Второй мировой войны. Оба эти события были расценены Пекином как искажение истории и проявление неуважения к чувствам людей, подвергшихся в прошлом японской агрессии². В ответ на «забвение истории» японской стороной власти Китая с 1980-х годов стали прилагать усилия, направленные на «восстановление исторической справедливости», что в 1990-х постепенно переросло в полномасштабную кампанию обновления системы образования в стране, нацеленную на воспитание китайской молодежи в духе патриотизма и гордости за свою страну.

Многие учёные отмечают значительные изменения в образе Китая и китайского народа периода борьбы с японскими захватчиками, который в 1980–1990-х годах стал транслироваться властями посредством СМИ и нового, «патриотически ориентированного» образования. Если ранее, в эпоху Мао Цзэдуна, центральное место в памяти о войне занимал героизм, проявленный китайским народом в борьбе против Гоминь-

¹ В новой редакции учебников содержалась принципиально новая оценка ряда исторических событий, основанная на приукрашивании политики японских властей в 1930–1940-е годы, в частности действия японской армии в период Тихоокеанской войны были названы не «агрессией» (циньлюэ 侵略), а «продвижением» (цзиньчю 進出).

² В синтоистском святилище Ясукуни, как считают японцы, покоятся души воинов, которые отдали свою жизнь за Японию. Китайская сторона считает посещение японскими официальными лицами этого храма проявлением безответственной позиции относительно событий своего военного прошлого, поскольку там почитаются в том числе и признанные Международным военным трибуналом для Дальнего Востока военные преступники (в том числе класса «А»).

дана и японских агрессоров, то несколькими десятилетиями позднее, с конца 1980-х и особенно в 1990-е годы, на передний план вышла стратегия «виктимизации» (от англ. *victim* – «жертва») образа Китая как страны, жители которой представлялись, в первую очередь, жертвами агрессии. Ряд исследователей видят в этом явлении прямую связь с идеологией, которая также претерпела изменения в эпоху «реформ и открытости». Идея классовой борьбы теряла свою актуальность по мере развития рыночных отношений в китайской экономике, поэтому на смену её должна была прийти не менее значимая для всего народа проблема, которая объединяла бы всех жителей Китая. Этой идеей стала коллективная память о японо-китайской войне. Память о тяжёлых событиях, которые пришлось пережить в военное время (иными словами, «общая травма»), стала мощным фактором, сплотившим население всей страны и создавшим прочную основу для укрепления национального самосознания.

Важным инструментом консолидации общества стало обновленное историческое образование, которое должно было показать, через какие потрясения пришлось пройти китайскому народу, прежде чем страна смогла начать своё возрождение после победы коммунистической революции под руководством КПК. Центральной идеей здесь выступала концепция «национального унижения» Китая («век национального унижения»³), согласно которой все страдания китайского народа, перенесённые им в период с середины XIX до середины XX века, были обусловлены, главным образом, иностранным вмешательством. Примечательно, что подобная идея не была популярна в эпоху Мао Цзэдуна, поскольку глав-

³ «Век национального унижения» (бай нянь го чи 百年国耻), досл. «столетний позор государства» – термин, которым обозначают период, начавшийся с серии неравноправных договоров цинского Китая с западными державами во второй трети XIX века и завершившийся с созданием Китайской Народной Республики в 1949 году.

ной причиной бедственного положения страны объявлялась некомпетентность и коррупция властей (цинских правителей и Гоминьдана). Теперь же «внешний фактор» переместился на передний план, поэтому главной ролью КПК было названо сплочение нации перед внешней опасностью и окончательная победа над иностранными захватчиками, что, наконец, позволило стране получить независимость и положило конец столетнему «национальному унижению». Японо-китайская война 1937–1945 годов в этом контексте представлялась как один из наиболее тяжёлых эпизодов длительной борьбы с иностранным вмешательством.

Принципы обновленного образования, основой которого стало воспитание молодёжи в духе патриотизма, содержатся в двух базовых документах, принятых по инициативе Цзян Цзэминя и опубликованных в августе 1991 года: «Общие принципы усиления [преподавания] в начальной и средней школе Новой и Новейшей истории Китая и страноведения Китая» (中小学加强中国近代、现代史及国情教育的总体纲要)⁴ и «Уведомление по поводу реализации образования, [основанного на] патриотизме и революционных традициях со всемерным привлечением [в процесс обучения] культурных памятников» (关于充分运用文物进行爱国主义和革命传统教育的通知)⁵.

⁴ Гоцзя цзяовэй гуаньюй баньбу «Чжун сяо сюэ цзяцян Чжунго цзиньдай, сяндайши цзи гоцин цзяюй дэ цзунти ганяо» дэ тунчжи 国家教委关于颁发“中小学加强中国近代、现代史及国情教育的总体纲要”的通知 (Уведомление Государственного комитета просвещения о публикации «Общих принципов усиления [преподавания] в начальной и средней школе Новой и Новейшей истории Китая и страноведения Китая») // Информационный портал «Law.lawtime.cn». 27.08.1991. URL: <https://law.lawtime.cn/d527883532977.html> (дата обращения 28.07.2022).

⁵ Гуаньюй чунфэнь юньюн вэньу цзиньсин айгочжуи хэ гэмин чуаньгун цзяюй дэ тунчжи 关于充分运用文物进行爱国主义和革命传统教育的通知 (Уведомление по поводу реализации образования, [основанного на] патриотизме и революционных традициях со всемерным привлечением [в процесс обучения] культурных памятников) // База данных нормативных правовых актов. 28.08.1991. URL: <http://fgcx.bjcourt.gov.cn:4601/law?fn=chl338s826.txt> (дата обращения 28.07.2022).

В документах особенно подчеркивалась важность обязательного посещения студентами и школьниками всех возрастов исторических музеев, мемориальных комплексов и мест боевой славы. Как указано ещё в одном директивном документе, опубликованном в 1994 году («Принципы реализации патриотического воспитания» 爱国主义教育实施纲要), все эти мероприятия должны быть непосредственно включены в учебный процесс так, чтобы посещение музеев и мест боевой славы в памятные даты стало своего рода «живым учебником», из которого молодёжь «черпала бы знания по истории и проникалась духом патриотизма и гордостью за свою страну»⁶.

В 1995 году было выбрано 100 объектов, которые должны были стать «базами патриотического воспитания» (айгочжуи цзяюй цзиди 爱国主义教育基地), обязательными для посещения учащимися, военнослужащими и государственными служащими. Из числа этих объектов 40 – места воинской славы, где китайские солдаты сражались с иностранными захватчиками, а также мемориальные комплексы и исторические музеи, из которых половина посвящена исключительно японо-китайской войне 1937–1945 годов.

Со временем количество таких объектов увеличивалось, дополнительные «базы патриотического воспитания» как провинциального, так и общегосударственного уровня анонсировались в 2001, 2005 и 2009 годах. Экскурсии в исторические музеи и поездки к местам боевой славы входили в школьное обучение и ранее, однако позиционирование этих мероприятий в качестве одного из важнейших методов «патриотического воспитания» в официальных документах произошло только в 1990-е годы. Создание официального каталога подобных «баз», их систематизация и расширение

⁴ Айгочжуи цзяюй шиши ганяо 爱国主义教育实施纲要 (Основные принципы реализации патриотического воспитания) // Информационный портал «Doc88.com». 30.03.2021. URL: <https://www.doc88.com/p-55059556040305.html> (дата обращения 28.07.2022).

списка объектов свидетельствуют об особом внимании властей к историческому образованию молодёжи.

Подобные выездные уроки, дополнившие занятия в классе, обновленная учебная программа по историческим дисциплинам, усиленное внимание общественности и СМИ к преступлениям японской армии в период военных действий в Азии, несомненно, сказывались на росте националистических настроений в 1990-е годы. Многие западные ученые полагают, что именно кампания «патриотического воспитания» (*айгочжуи цзяюй* 爱国主义教育) стала основным фактором, который способствовал росту антизападных и антияпонских настроений в стране на рубеже XX – XXI веков. Однако ряд китайских исследователей считают, что политика «патриотического воспитания», хотя и оказала значительное влияние на восприятие военных событий молодежью, явилась лишь катализатором происходивших в то время политико-экономических процессов в стране. И с этим, по-видимому, можно согласиться: политика «патриотического воспитания» оказалась, скорее, не первопричиной, а сопутствующим фактором серьёзных перемен в социально-экономической жизни КНР, итогом переосмысления своей истории, роли государства в мировой истории и перспектив его развития в будущем. Отрицательным проявлением такого «обновления» памяти о войне стало стремительное осложнение японо-китайских отношений, вызванное неуступчивостью Пекина в отношении японской стороны, даже несмотря на примиренческую политику Токио, которую страна пыталась реализовать в отношении всех стран Азии в 1990-х годах.

М.Г. Цыренова,
кандидат педагогических наук,
директор Института непрерывного образования
Бурятского государственного университета
им. Доржи Банзарова, председатель Общественного
совета при Министерстве образования и науки
Республики Бурятия (Улан-Удэ),

Е.В. Нолев,
кандидат исторических наук,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН, ответственный секретарь отделения
РИО в Республике Бурятия, председатель
Региональной общественной организации «Совет
молодых ученых Республики Бурятия» (Улан-Удэ)

Знать общее наследие

Общность исторических судеб и современные дружественные отношения России и Монголии основаны на наследии великих кочевых империй и концепции «нерушимого братства» советской эпохи, культуре монголоязычных народов Российской Федерации и традициях «местнорусских» в Монголии, на протяженной государственной границе, совместных экономических проектах и всеобъемлющем стратегическом партнерстве.

Преподавание истории России в Монголии и истории Монголии в России

Держава Хунну, Тюркские и Уйгурский каганаты, Великая Монгольская империя, занимая огромные пространства, включали, в том числе, территории, входящие сегодня в состав России и Монголии. Вместе с тем, так называемый монгольский период средневековой истории Руси является одним из наиболее важных и дискуссионных этапов в формировании и

развитии российской государственности.

На протяжении советского периода отношения двух стран оценивались в категориях «нерушимой, вечной дружбы и братского сотрудничества СССР и Монголии», «Монголии – шестнадцатой советской республики». В 2021 году, в рамках празднования 100-летия установления дипломатических отношений между СССР и МНР, были организованы масштабные международные конференции в Москве, Иркутске, Улан-Удэ, Владивостоке и Улан-Баторе. Исторически значимый для России и Монголии год был ознаменован и другими важными юбилейными датами совместных достижений: 100-летие создания Ученого комитета (будущей Академии наук Монголии); 60-летие принятия МНР в ООН (произошедшему благодаря активному участию СССР); 40-летие совместного полета в космос российско-монгольского космического экипажа.

В постсоветский период российско-монгольские отношения прошли путь от дистанцирования и прагматичного измерения «равноправного и взаимовыгодного сотрудничества» до «возвращения России в Монголию» и далее – к заключению «Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве» в 2019 году.

Добрососедские отношения двух стран и перспективы надежного стратегического партнерства в меняющейся геополитической реальности предполагают задачу формирования объективного знания об истоках, развитии и современном состоянии двусторонних отношений в области развития исторического образования в России и Монголии. Это в свою очередь актуализирует сравнительный анализ образов двух государств, их роли и влияния, отражающихся в учебной литературе по истории в наших странах.

Монгольская империя и Золотая Орда сыграли значительную роль в истории Российского государства, при этом актуальным остается мнение доктора исторических наук Ю.В. Кривошеева о том, что исследованность «монгольского

вопроса» в отечественной историографии является лишь кажущейся. Детальное исследование образа Монгольской империи в российских учебниках начала 2000-х годов представлено в статье доктора исторических наук Е.И. Лиштованного¹. В середине 2010-х годов образ государства этого периода подавался как образ монгольской орды, империи Чингисхана и его потомков, осуществлявших завоевания и разрушения, затем как образ Золотой Орды – наследницы Монгольской империи. Хотя сам термин «монголо-татарское иго» был заменен более нейтральной категорией «ордынское иго» или «ордынское владычество»².

В курсе всемирной истории образ Монгольской империи Чингисхана был представлен скорее в негативном свете – как результат жестоких завоеваний, сопровождавшихся многочисленными жертвами и разрушениями. Это не отражало более объективного современного представления о Чингисхане, разделяемого представителями зарубежной и отечественной исторической науки, как о создателе первой мир-системы *Rax Mongolica*, объединившей многие страны и народы Евразии в рамках правового поля Великой Ясы – свода законов Монгольской империи. В данном кодексе утверждались принципы веротерпимости и почитания закона на всей территории Монгольской империи. Сведения о великой Ясе присутствовали в отдельных российских учебниках, однако основной образ Монгольской империи и самого Чингисхана оставался в целом негативным. В современных учебниках истории России осве-

¹ Лиштованный Е.И. Монгольская империя в современной российской учебной литературе // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2.: Сб. ст. Улан-Удэ, 2005. С. 270-276.

² Мишина И.А., Цыренова М.Г. Образ Монголии и монголоязычных народов в современных российских школьных учебниках истории // Россия и монгольский мир: вектор на сближение (Егуновские чтения - VII). Сборник статей международной научно-практической конференции в рамках XII Международного всебурятского фестиваля «Алтаргана». Улан – Удэ, 2017. С. 138.

щаются такие темы, связанные с Монгольской империей, как «Походы Батыея на Русь» и «Русские земли под властью Орды». В курсе истории средних веков проходит изучение держав Чингисхана и Тимура.

В Монголии в общем курсе истории Средневековья и в курсе истории Монголии в Средние века освещаются вопросы возникновения древнерусского государства и деятельности первых киевских князей. Большое внимание уделяется образованию Золотой Орды, взаимоотношениям с нею Руси и последствиям ордынского владычества, причем не только в негативном контексте.

В российском историческом образовании при изучении эпохи Нового времени в курсах отечественной и всеобщей истории собственно история Монголии уступает место сюжетам, связанным с принятием монголоязычными народами подданства Российского государства.

В Монголии в учебнике для 10 класса по соответствующей тематике упоминание России присутствует при рассмотрении темы «Монголия после распада Монгольской империи», где рассказывается о политическом положении, внутренней и внешней политике коренной Монголии в XV–XVII веках. В рамках данной проблематики описывается усиление Русского государства и его продвижение на Восток, покорение Сибири и начало экспансии на северные земли монголов³.

Советско-монгольские отношения в дисциплинах по истории России и всеобщей истории освещаются преимущественно в рамках советской внешней политики и международных отношений 1920 – 1930-х годов. На страницах учебников представлены исторические события на реке Халхин-Гол в 1939 году. Дальнейшее освещение двусторонних отношений и истории МНР в большинстве учебников сводится к редким упомина-

³ Хишигт Н., Энхчимэг Ц. Основа существования монгольской нации // Воронцово поле. 2022. № 3. С. 40.

ниям или практически отсутствует. Исключением является учебник «Мир в XX веке», где раскрывается одно из условий секретного соглашения о вступлении СССР в войну с Японией, обсуждаемого в ходе Крымской конференции, – сохранение прежнего положения Монгольской Народной Республики⁴.

Как отмечают монгольские историки Н. Хишигт и Ц. Энхчимэг, в рамках преподавания новейшего периода истории Монголии значительное внимание уделяется СССР и советско-монгольским отношениям. «При описании событий Февральской и Октябрьской революции отмечается, что «октябрьский переворот положил начало возникновению первого коммунистического государства и разделу мира на две системы». В контексте монгольской истории говорится о проникновении идей Октября в Монголию, упоминается обращение Советской России к Правительству автономной Монголии, даются главные оценки революции и социалистического строительства в России-СССР как в марксистской, так и в современной монгольской историографии.

Далее тема российско-монгольских отношений развивается в ходе освещения национально-освободительного движения монголов против китайского военного режима. Говорится о связях монгольских патриотов с прогрессивно настроенными деятелями Ургинской русской колонии, о поездке представителей монгольских политических группировок в Советскую Россию с целью получения помощи, о встречах с руководителями Советской России. В отдельной теме под названием «Монгольская революция 1921 года» изложены события совместной борьбы Монголии, Советской России и ДВР против барона Унгерна на территории Монголии. Особо подчёркиваются яркие страницы взаимоотношений между нашими странами – события на Халхин-Голе в 1939 году, Великая Отече-

⁴ Мир в XX веке: Учебник для 11 класса / О.С. Сороко-Цюпа, В.П. Смирнов, А.И. Строганов. М., 2002. С. 184

ственная война Советского Союза, помощь Монголии Красной армии и советскому народу, усилия Советского руководства по вопросу о признании статус-кво МНР на Ялтинской конференции, совместное участие советско-монгольских войск в войне против Японии в 1945 году, Всенародный референдум в МНР и заключение нового договора о дружбе между МНР и СССР в 1946 году.

Дальнейшее рассмотрение истории СССР даётся в контексте социалистического пути развития МНР, расширения взаимоотношений между двумя странами в 1924–1990 годах, пиком которых стал эпохальный для монгольского народа полёт двух «космических братьев» — Владимира Джанибекова и Жугдэрдэмидийна Гуррагчи. При освещении периода социалистического развития Монголии в современных учебниках подчёркивается, что эта модель, несмотря на огромные достижения в поступательном развитии страны как независимого, национального государств, не была лишена ошибок и недостатков. Подача материала в учебниках позволяет выявить исторический опыт, уроки и последствия существования социалистической системы во главе с СССР. В оценке нынешнего этапа развития отношений России и Монголии проводится мысль о том, что, помимо политических и экономических отношений, немаловажен и такой фактор, как межчеловеческий контакт, историческая память народов и отдельных людей о совместном прошлом»⁵.

С целью формирования конвенциональных подходов в образовательном дискурсе двух стран при изучении и преподавании различных аспектов исторического процесса востребованными становятся образовательные проекты. Весьма показателен в этом плане опыт Республики Бурятия – субъекта Российской Федерации, не только граничащего с Монголией, но и тесно связанного с соседним государством

⁵ Хишигт Н., Энхчимэг Ц. Основа существования монгольской нации. С. 40.

близостью культурных традиций и исторического наследия народов, проживающих на территории республики. С 2008 года в Бурятском государственном университете (ныне Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова) под руководством М.Г. Цыреновой проводятся международные образовательные проекты, в рамках которых студенты и преподаватели, путешествуя по Монголии, получают возможность погрузиться в историю и культуру соседнего государства. В Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН реализуются проекты, знакомящие школьников Бурятии с традициями, историко-культурным наследием и особенностями современного развития монгольского мира.

Международные образовательные экспедиции

Участниками Международных образовательных экспедиций стали студенты и учителя истории. Для проведения экспедиций составлялись специальные рабочие тетради, в которых студенты отмечали каждый день работы – групповой и индивидуальной. По итогам дня студенты отчитывались по групповым мини-проектам, по итогам экспедиций были подготовлены пособия для преподавания.

В 2008 году была организована совместная международная образовательная экспедиция для студентов Дальневосточного государственного гуманитарного университета (руководитель – доктор педагогических наук, профессор О.Ю. Стрелова) и Бурятского государственного университета (руководители – кандидат педагогических наук, доцент М.Г. Цыренова и кандидат исторических наук И.Г. Аюшиева). Цель проекта заключалась в сравнительном анализе систем общего исторического и высшего профессионального образования в России и Монголии, сформировавшихся в 1990-е – начале 2000-х годов под воздействием важнейших общественно-политических, экономических, культурных и геополитических факторов. В ходе образовательной экспедиции студенты выполнили

следующие проектные задания: проект 1 – «Мемориальный комплекс Зайсан: место памяти или городская достопримечательность?»; проект 2 – «Дворец-музей Богдо-гэгэна VIII как хранилище памяти и исторический источник»; проект 3 – «Городская скульптура как компонент исторического пространства города Улан-Батор»; проект 4 – «Один день Монголии» как Интеллектуальный пазл-соревнование; проект 5 – «Исторический музей как фактор идентификации и самоидентификации монголов»; проект 6 – «Другая страна, другой университет»; проект 7 – «Я поведу тебя в музей...» (разработка комплекса познавательных заданий на основе посещения музеев Улан-Батора).

Первая международная экспедиция оказалась весьма эффективной в формировании профессиональных компетентностей будущих учителей истории⁶.

В 2009 году образовательная экспедиция была посвящена 70-летию необъявленной войны на Халхин-Голе, победа в которой способствовала укреплению монгольской государственности. Проект «Халхин-Гол: место памяти» дал целый комплекс различных исследовательских стратегий, помогающих изучить содержание коллективной памяти о событиях на Халхин-Голе в России и Монголии на протяжении 70 лет, а также способы управления этой памятью посредством различных коммеморативных мероприятий, выявил факторы формирования индивидуальной памяти людей и причины дискуссионности многих вопросов, связанных с «конфликтом на Халхин-Голе» в современной исторической науке⁷.

В 2010 году совместно с Улан-Баторским государствен-

⁶ Стрелова О.Ю., Цыренова М.Г., Аюшиева И.Г. Проектная деятельность как способ формирования профессиональных компетентностей студента и преподавателя. Улан-Удэ, 2009.

⁷ Цыренова М.Г., Аюшиева И.Г. Международная образовательная экспедиция «Халхин-Гол: место памяти» // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 251-255.

ным университетом, Институтом истории Академии наук Монголии, Центром по изучению политических репрессий Монголии был организован международный образовательный проект «Политические репрессии в России и Монголии: историческая память». В первый день работы в Улан-Баторе участники проекта посетили Национальный музей истории Монголии и частный музей политических репрессий. Тема проекта – «Музей – хранилище памяти или кладбище артефактов». На следующий день была организована поездка в разрушенный в годы репрессий монастырь «Манжушри-хит». Тема проекта – «Разрушение памяти или Память о разрушениях». Центром по изучению политических репрессий (директор – доктор исторических наук Дашдаваа) был организован круглый стол по теме «Политические репрессии в России и Монголии: к постановке проблемы», в ходе которого студенты из России и ученые из Монголии обсуждали эту сложную для обоих государств проблему. В Улан-Баторском государственном университете участники проекта «Другой университет – другая история» прослушали лекции, пообщались со студентами и провели анкетирование⁸.

В 2011 году в рамках международного образовательного проекта «Мультикультурное образование в современном мире» состоялась образовательная экспедиция «Образ жизни и менталитет кочевника». Участниками экспедиции стали учителя истории – представители вузов и школ Москвы, Московской области и Бурятии. Каждый день экспедиции был связан с темой определенного проекта. Экскурсии в Иволгинский дацан и Этнографический музей народов Забайкалья был посвящен проект «Поликультурное пространство Бурятии». Проекты «Внутренний и внешний образ кочевника» и «Один день кочевника» сопровождалась экскурсиями в Националь-

⁸ Цыренова М.Г., Аюшиева И.Г. Международный образовательный проект «Политические репрессии в России и Монголии: историческая память» // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 255-260.

ный музей истории Монголии, музей-резиденцию Богдо-Гэгэна VIII, местность Цонжин-Болдог, где возведен крупнейший в Монголии памятник Чингисхану, а также в Национальный парк «Монголия XIII века».

В рамках проекта «Кочевничество в современной исторической науке Монголии: другая страна, другая история» состоялось посещение Института истории Академии наук Монголии. С лекциями выступили ведущие ученые, крупные специалисты в области медиевистики – Г. Цэрэнханд, С. Цолмон, А. Пунсаг, Ц.Энхчимэг, Ц. Минжин. Следующий проект – «XIII век в истории Монголии и России: изучение в школьных курсах» предполагал посещение школ Улан-Батора и встречи с учителями истории. Завершилась экспедиция проектом «Улан-Батор: кочевая культура в городском пространстве».

Все образовательные экспедиции позволили студентам глубже понять историю и культуру соседней страны, увидеть общее и особенное, освоить компетенции проектной деятельности.

Академические научно-образовательные проекты в области истории и культуры Внутренней Азии

С 2015 года сотрудниками ИМБТ СО РАН в сотрудничестве с вузами, школами, музеями и СМИ была развернута целенаправленная деятельность по вовлечению школьников и студентов в академические исследования древней и средневековой истории и культуры Внутренней Азии. Можно выделить несколько форм организации научно-образовательной деятельности.

1. Научно-популярные лекции и семинары по археологии и древней истории. Это самостоятельное направление просветительской работы и неотъемлемая часть научно-образовательных проектов. Учеными из ИМБТ СО РАН налажено сотрудничество с Национальным музеем Истории Бурятии в рамках научно-образовательного проекта «Этнографический

четверг», в ходе которого с открытыми лекциями выступили Д.А. Миягашева («Поселения хунну Западного Забайкалья. Археология поселенческих памятников хунну на территории Бурятии»), Б.А. Базарова («Хуннские зеркала»), А.И. Бураева («Антропология Хунну»). По плану проекта Совета молодых ученых Республики Бурятия «Научный акселератор: вовлечение молодежи в исследовательскую деятельность» состоялись открытые лекции Ч.Ц. Цыренова («Лук и стрелы в истории и культуре древности и средневековья», «Исторические и географические аспекты китайской цивилизации»), С.С. Цыпиловой («Средневековая Монголия сквозь призму женской истории») и С.Б. Миягашевой («Как и почему эпические батыры заговаривали свои стрелы?»).

Археологическая и этнографическая тематика часто представлена в региональных конкурсах научно-популярных докладов молодых ученых и аспирантов «Научные битвы» – Д.А. Миягашева («Археологи – детективы прошлого»), С.Б. Миягашевой («Заговоренные стрелы эпических батыров как элемент охотничье-военной обрядности»), Я.В. Дикого («Археологические коллекции Бурятии в лицах»).

Научно-популярные лекции, являясь одной из ключевых форм просветительской деятельности, при несомненном достоинстве трансляции передовых результатов академической науки в образовательное пространство школ и вузов, охватывают ограниченное число участников, и, как правило, представляют собой разовые мероприятия. Без организации системной деятельности по дальнейшему изучению вопросов, обозначенных в лекциях, исследовательский интерес к ним со стороны учащихся не всегда имеет потенциал для дальнейшего развития. Однако главная цель таких акций – популяризация научных знаний – несомненно, достигается.

2. Тематические телепередачи. Древней и средневековой истории Внутренней Азии посвящены отдельные выпуски научно-популярной программы «Лекции на АТВ»: выпуск 16

«Откуда есть пошел град Удинский» (О.В. Бураева); выпуск 18 «Детские погребения хунну» (Д.А. Миягашев); выпуск 20 «Древнекитайский реформатор Гуань Чжун и современность» (Ч.Ц. Цыренов); выпуск 36 «Этнографическая интерпретация детских погребений в сосудах, которая практиковалась у хунну» (С.Б. Миягашева); выпуск 38 «Стрельба из лука в истории и культуре древности и Средневековья» (Ч.Ц. Цыренов). Отдельная передача на канале АТВ посвящена раскопкам Удинского острога.

Сотрудники ИМБТ СО РАН выступают консультантами в новостных сюжетах о древней и средневековой истории региона, а также экспертами в передаче «Зов предков. Современная жизнь потомков хуннской империи», вышедшей на канале ОТР в рамках проекта «Большая страна». Онлайн формат научно-популярных проектов рассчитан на потенциальный охват более многочисленной аудитории, но эффективность просветительской деятельности здесь трудно отследить. Безусловным преимуществом такой формы организации внеучебной деятельности является возможность использования тематических телепередач в качестве дополнительных средств обучения на уроках истории.

3. Участие школьников и студентов в археологических экспедициях. По результатам полевых исследований учащиеся подготавливают доклады на школьных и молодежных конференциях различного уровня под руководством ученых из ИМБТ СО РАН.

4. Организация научных конференций. В 2019 году доклады участников археологических проектов ИМБТ СО РАН были представлены на секции «Древняя и средневековая история Евразии в исследованиях школьников и студентов» IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований». Вопросы школьной и студенческой археологии обсуждались на между-

народном онлайн-семинаре 2020 года «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

5. Научно-образовательные проекты полного цикла, в которых погружению в экспедиционную археологическую работу предшествуют лекции, семинары-практикумы и музейные экскурсии. К таким проектам ИМБТ СО РАН, реализованным в 2017–2019 годах, относятся создание на базе Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова студенческого археологического отряда «Аттила» и организация совместно с СОШ №1 города Улан-Удэ Профильного археологического лагеря «Артефактум: наследие прошлого». В 2021 году под руководством Д.А. Миягашева был реализован научно-образовательный проект «Археология. Наука для всех»⁹.

В 2021 и 2022 годах на базе филиала Кяхтинского краеведческого музея им. академика В.А. Обручева в Улан-Удэ был реализован научно-образовательный проект «Ночь музеев». В 2021 году акция «Больше чем музей» под девизом «Наука ближе» прошла в рамках Года науки и технологий Российской Федерации. Научный лекторий, выставки и мастер-класс объединяла концепция истории кочевых империй Внутренней Азии. Д.А. Миягашев выступил с лекцией-беседой и презентацией образовательного проекта «Археология. Наука для всех», рассказав о мультидисциплинарности современной археологической науки, широко применяющей методы естественных и точных наук. Я.В. Дикий представил доклад об истории формирования археологических коллекций Бурятии. Б.А. Базаров провёл историко-археологическую лекцию-беседу «Земля – основа государства: Империя хунну». В продолжение общей темы лектория, связанной с историей кочевых обществ, выступил В.В. Тишин на тему «Памятники древнетюркской

⁹ Миягашев Д.А., Нолев Е.В., Базаров Б.А. Вовлечение школьников и студентов академические исследования древней средневековой истории Внутренней Азии // Преподавание истории в школе. 2021. № 8. С.55-60.

рунической письменности как историко-культурный феномен», познакомив слушателей с новейшими достижениями в области изучения истории, источниковедения, лингвистики и филологии древнетюркского общества. Завершил лекторий Е.В. Нолев, выступив с лекцией-беседой на тему: «"Татаро-монгольское иго" и наследие Великой Монгольской империи в исторической памяти России», представив одно из приоритетных направлений развития современного гуманитарного знания – изучение политики памяти – «memory studies».

Параллельно с научным лекторием были организованы экскурсии по выставкам музея: «Кяхта: страницы истории», «Руническая письменность древних народов Азии», «Память, не стёртая временем...». В 2022 году акция «Ночь музеев» была посвящена Году культурного наследия народов России, а также Десятилетию науки и технологий; она проходила под девизом «Мода на традиции». В.В. Тишин рассказал о роли кочевников в становлении и функционировании Великого Шелкового пути. Слушатели узнали много нового об основных исторических событиях, повлиявших на развитие всемирно известного торгового маршрута, связывавшего Восточную Азию со Средиземноморьем, в период его «Золотого века». Лекция А.Д. Гомбожапова была посвящена образу жизни и занятиям современных кочевников Монголии. Уникальные сведения, видео и фотографии из полевых экспедиций наполнили жизнью музейные экспонаты, связанные с бытом и хозяйством номадов. Е.В. Нолев выступил с лекцией-беседой, посвящённой истории развития науки в Бурятии, современным научным достижениям и перспективным направлениям исследований. Особое внимание в лекции было уделено юбилейным датам: 200-летию со дня рождения первого бурятского ученого Доржи Банзарова и 100-летию со дня основания Бурят-Монгольского учёного комитета – ныне Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

* * *

Таким образом, проведенное многолетнее исследование позволяет сформировать предложения по консолидации взглядов на отдельные аспекты международных отношений в дискурсе исторического образования России и Монголии с целью содействия достижению всеобъемлющего стратегического партнерства и укрепления дружественных отношений. Высокую степень эффективности в исследовании и популяризации общего историко-культурного наследия двух стран и подготовки профессиональных кадров в сфере образования, науки, культуры и международных отношений демонстрирует опыт реализации образовательных проектов.

Гао Мингъю,
*аспирантка департамента
истории и археологии
ДФУ, Владивосток.*

История как предмет в школах Китая и России: сходства и различия

Если мы сравним цели исторического образования в Китае и Советском Союзе в 1980-х – начале 1990-х годов, нетрудно обнаружить, что общей чертой здесь было особое внимание к целям нравственного воспитания и развития познавательных способностей на базе исторического материала. Подчёркивалась необходимость овладения «диалектическим и историческим материализмом», особое место уделялось патриотическому воспитанию. Развитие способностей к познанию осуществлялось в контексте анализа проблем с позиций диалектического и исторического материализма. Цели передачи базовых знаний были очень детализированы.

И в Китае, и Советском Союзе придавалось большое значение овладению историческими знаниями и их систематизации; от учащихся требовалось понимание основных событий и роли исторических личностей как в отечественной, так и в зарубежной истории. В образовательных курсах по истории учитывались политические, экономические, военные, культурные, научно-технические и другие аспекты; присутствие политических аспектов было сравнительно велико.

После распада СССР Россия внесла большие коррективы в содержание и характер среднего исторического образования. В ходе новой реформы учебной программы Китай также внёс серьёзные коррективы в цели среднего исторического образования. При этом сходства и различия в целях исторического образования в двух странах по-прежнему очевидны.

Перечислим общие черты.

И в Китае, и в России обращается внимание на единство целей исторического образования, сочетание разнообразия и гибкости.

С содержательной точки зрения обе страны делают упор на базовые знания и систематический характер образования, требуя от учащихся понимания основных событий и роли важных исторических личностей в истории своей страны и мира. При стремлении не увеличивать нагрузку на учащихся, образовательные стратегии в России и Китае всё же нацелены на то, чтобы через преподавание истории обеспечить учащимся возможность всестороннего развития; способствовать воспитанию патриотизма, нравственных качеств и чувства гражданина; через расширение горизонтов исторического образования помогать лучшей ориентации учащихся в современном мире.

Обе страны придерживаются той позиции, что в процессе преподавания истории необходимо воспитывать всесторонние способности учащихся, особенно – в сфере исторического мышления.

И в Китае, и в России подчеркивают, что цель изучения истории состоит в том, чтобы на практике уметь применять полученные знания и способности для решения реальных жизненных проблем.

А теперь обратим внимание на различия:

Китай чётко делит цели исторического образования в средней школе на три аспекта: «знания и способности», «процесс и метод», «эмоциональное отношение и ценности». Россия делит задачи исторического образования в средней школе на три аспекта: «цель изучения истории», «процесс и метод», «требования к выпускникам».

Китай уделяет больше внимания развитию основных способностей. После реформы эта задача получила более конкретные контуры: углубление способностей запоминать, анализировать, синтезировать, сравнивать, обобщать полу-

ченные знания в соответствии с требованиями эпохи. В России больше внимания уделяется развитию исторического мышления и других качеств учащихся – поэтапно, методично и непрерывно.

Сравним также различные аспекты содержания исторического образования в Китае и России.

В этой сфере сходство заключается в том, что и в Китае, и в России изучается и мировая, и национальная истории, включая политическую историю, экономическую историю, историю культуры, историю науки и техники и социальную историю. Разница в том, что в Китае теперь увеличили в общем содержательном объёме долю экономической истории, истории культуры, истории науки и техники, а также и социальной истории. В России по-прежнему уделяется больше внимания политической истории; в последние годы история периода СССР подвергается переоценке.

В Китае до реформы учебной программы учебники истории для средней и старшей школы писались по линейному принципу, то есть материал подавался в хронологической последовательности. После реформы учебники для средней школы по-прежнему пишутся по линейному принципу, а учебники для старшей школы создаются по концентрическому принципу, предполагая на новом уровне знаний возвращение к материалу, усвоенному в средней школе. В учебниках даётся общий курс истории от Древности до Современности, в прямой взаимозависимости китайской и мировой истории. Подобный подход к организации учебной программы ломает многолетнюю практику, способствуя диверсификации организации и расширению содержания учебной программы по истории в рамках базового образования. В России же всеобщая история и история России изучаются как две отдельные дисциплины, хронологически синхронизованные.

Самое большое сходство между учебниками истории двух стран заключается в том, что они активно пропагандируют

патриотизм и нацелены на воспитание у учащихся национальной гордости, сплоченности, любви к Родине посредством исторического образования. В обеих странах придаётся большое значение изучению отечественной и всеобщей истории, с тем чтобы развивать у учащихся видение мирового исторического процесса в целом. В ходе составления учебников по истории много внимания уделяется цитированию исторических источников для достижения эффекта живой исторической дискуссии. Для развития у учеников исторического мышления каждый тематический раздел сопровождается серией вопросов, побуждающими к аналитическому процессу.

Различия проявляются в ряде сфер, в том числе в самом принципе составления учебников по истории. На этапе средней школы в китайских учебниках принят хронологический принцип преподавания общего курса истории, а на этапе старшей школы принят метод написания модулей и специальных тем, на новом уровне возвращающихся к уже знакомому материалу. В России же последовательно используется хронологический принцип. К тому же в наших странах по-разному выстраивается тематический порядок подачи материала в учебниках по истории. В школах Китая сначала изучают китайскую историю с древних времён до наших дней, а затем уже – мировую историю. Всемирная история преподается в России с 5 класса, а всемирная история и история России – с 6 класса.

Сравнение методов преподавания курса школьной истории в Китае и России также даёт интересные результаты.

В Китае реформа учебной программы сделала методы обучения более гибкими и разнообразными, а улучшение условий обучения позволило использовать мультимедийные учебные программы для преподавания истории как предмета в обычных сельских школах. Однако особая роль учителя как главного носителя исторического знания в образовательном процессе остаётся неизменной. Первая причина этого заключается в том, что в соответствии с традицией китайские

студенты привыкли к сформировавшемуся на протяжении тысячелетий методу обучения «учителя говорят, студенты слушают». Во-вторых, из-за сложности вступительных экзаменов конечной целью преподавания истории по-прежнему остается помощь учащимся в приобретении необходимого объёма знаний. Учителя обращают больше внимания на целевые установки содержания стандартов учебной программы, а вопросы метода, эмоционального отношения к контенту и ценностные аспекты ставят на второе место.

Хотя в положениях реформы учебного плана подчеркивается, что педагогическая деятельность должна стать «управляемой учителем и ориентированной на ученика», противоречие между задачами вступительных экзаменов и методами обучения всё ещё нуждается в разрешении. В Китае учебники истории относительно унифицированы, что делает понимание исторических событий также единообразным. Поэтому у студентов отсутствует дух скептицизма и, следовательно, нет способности к новаторству. Стремление же к инновациям и инициативности в ходе самостоятельного обучения часто приводит лишь к трате время, поскольку эти качества не являются востребованными.

Методика обучения в России гибкая, студенты осмеливаются задавать вопросы учителям, они полны скептицизма, а из-за отсутствия единственного учебника по истории они не придерживаются единственного взгляда на исторические события. Следует сказать, что российское историческое образование является относительно традиционным, и это тонкий метод обучения, играющий роль воспитания будущих поколений на материале истории. Традиционное китайское историческое образование уделяет особое внимание классному обучению и в гораздо меньшей степени ориентировано на практику самостоятельного образования учащихся.

История — это зеркало, и учебники по истории отражают, какую историю страна хочет преподавать следующему поко-

лению. Реформа российских учебников истории обеспечивает блестящую перспективу развитию разносторонних связей между Россией и Китаем. Мы очень рады этому. Соответственно, китайские учебники истории должны уделять больше внимания России и знакомить учащихся с её прошлым и настоящим, чтобы подрастающее поколение могло понять современную Россию и приложить усилия для дальнейшего успешного развития китайско-российских отношений.

З.Ш. Бердигожина
*учитель I (продвинутого) уровня,
руководитель Музея боевой и трудовой славы
КГУ общеобразовательной школы № 32 г. Алматы*

Ресурсы школьного музея при изучении истории Казахстана

Каковы роль и значение школьного музея в современном образовательном процессе, как используются его ресурсы при изучении истории Казахстана? Рассмотрим эти вопросы на примере работы музея боевой и трудовой славы общеобразовательной школы № 32 города Алматы.

Создание музея в пустом кабинете было изначально непростой задачей. Однако благодаря труду учеников, их родителей, всех неравнодушных людей музей состоялся. Музей нашей школы является не просто хранилищем документов, медалей, экспонатов. Это культурный и просветительский центр.

Фонды нашего музея образуются дарами учеников, их родственников, учителей, жителей района и гостей музея. Не случайно в своё время Д.С. Лихачёв назвал музей «институтом семьи». Разделяя мнение академика и выдающегося деятеля культуры, подчеркнём, что современный музей – это не кладбище экспонатов. Выставляемые предметы должны «работать». Лихачёв подчеркивал: «Памятники культуры не могут просто храниться — вне людских знаний о них, людской о них заботы, людского «делания» рядом с ними. Музеи — это не кладовые».

Приведем конкретные примеры использования ресурсов школьного музея при изучении истории Казахстана.

Каждый год первого сентября в музее проходит Урок Знаний для первоклассников. Школа начинается с музея, именно здесь начинается знакомство с историей школы. Активисты музея рассказывают первоклассникам о семейных династиях,

учившихся в школе. Обращая внимание детей на стенды и имеющуюся на них информацию, активисты проводят игры, предполагающие ответ на вопрос, к примеру: «сколько директоров было в нашей школе?», «кто первым найдет свою учительницу?».

В экспозиции музея находятся предметы разных эпох – по археологии (каменный век) и этнографии, по средневековому периоду истории Казахстана, по советскому периоду. Подаренные нашему музею археологами экспонаты – зуб мамонта, зернотерка, рубило, окаменелости – всегда вызывают у учащихся особый интерес.

По средневековому периоду в музее имеются макеты мавзолеев, старинного оружия, макет тайказана (сосуд для воды с надписями на поверхности, представляющими собой отрывки из Корана) из мавзолея ходжи Ахмеда Яссави, изготовленные самими учениками.

Почётное место в музее занимают экспонаты по истории Великой Отечественной войны; тематике советского периода в музее уделено особое внимание.

Имея многолетний педагогический стаж и опыт руководства музеем боевой и трудовой славы школы, полностью разделяю взгляды известного ученого, педагога В.С. Кукушина. Приведу слова из его книги «Основы педагогики»:

«Я пережил концлагерь, мои глаза видели, то, что не должен видеть ни один человек:

- как ученые инженеры строят газовые камеры;
- как квалифицированные врачи отравляют детей;
- как обученные медсёстры убивают младенцев;
- как выпускники высших учебных заведений расстреливают и сжигают детей и женщин...

Поэтому я не доверяю образованности.

Я прошу вас: помогайте ученикам стать людьми. Ваши усилия никогда не должны привести к появлению учёных чудовищ, тренированных психопатов, образованных Эйхманов.

Чтение, письмо, арифметика важны только тогда, когда помогают нашим детям стать более ЧЕЛОВЕЧНЫМИ».

И сегодня эти слова не потеряли своей актуальности. В школьной программе на изучение истории Второй мировой и Великой Отечественной войн выделяется, на мой взгляд, недостаточное количество часов. Поэтому музей школы проводит с учениками дополнительную работу по изучению данных важных тем.

Ученики школы, активисты музея собрали материалы о девяноста трех участниках Великой Отечественной войны – своих прадедушках и прабабушках. Среди прадедов учеников есть защитники Брестской крепости и жители блокадного Ленинграда, участники Сталинградской битвы и взятия Берлина. Ученики должны знать, помнить и гордиться своими героическими предками.

В 2022 году исполняется сто лет подписанию Договора об образовании СССР. При проведении музейного урока по данной теме вниманию учеников предлагается любопытный экспонат – столовая ложка, на ручке которой изображены пятнадцать звёздочек и герб СССР. Ученикам задаются вопросы: почему изображены именно пятнадцать звёздочек? Какому историческому событию был посвящен выпуск этого предмета?

В рамках курса история Казахстана изучается такая важная тема, как «Освоение целины». Однако в учебнике на этот счёт приведены скудные факты и общие статистические данные. Тогда как живая беседа с человеком, осваивавшим целину, оказывает на детей, как правило, совершенно иное воздействие. В гостях у нас в музее побывала первоцелинница, Герой Социалистического труда Вера Васильевна Сидорова, её воспоминания о героическом освоении целинных земель вызвали особый интерес у школьников. В тематической экспозиции музея также выставлены медали первоцелинников, представлены их биографии, имеется набор открыток и книги, посвящённые освоению целины.

Активистами музея собран материал о Герое Советского Союза Вячеславе Карибуловиче Гайнутдинове, воине-интернационалисте, офицере-вертолётчике. Он проживал возле нашей школы, в тринадцатом военном городке. О Вячеславе Карибуловиче ученики рассказали на недавнем международном конкурсе «Сделаем вместе – наши герои».

В 2019 году музей боевой и трудовой славы школы № 32 Алматы занял первое место среди учебных заведений города на городском конкурсе «Лучший школьный музей – 2019».

Музей имеет свой хештег #Музейшколы32Алматы, который ныне известен и за пределами республики.

Чу Тяньгэ,
*аспирантка Школы искусств и гуманитарных наук,
Департамент истории и археологии ДВФУ*

Россия в программе преподавания истории для средней школы КНР

Учебники по истории играют важную роль в формировании и развитии у учащихся средней школы взглядов на жизнь, они расширяют мировоззрение и формируют представление о культурных ценностях. К сожалению, пока существует мало исследований, посвященных образу России в китайских учебниках по истории. В качестве объекта исследования мы взяли китайский учебник по истории для средней школы 2019 года издания. Постараемся проанализировать, как в нём отражается образ России.

В 2017 году Министерство образования выпустило в свет «Стандарты учебной программы по истории для средней школы» «普通高中历史课程标准 (2017年版)». Программа определяет направление, основные понятия и цели изучения истории для учеников средних школ, а также структуру и содержание учебной программы по истории, устанавливает стандарты качества и предлагает рекомендации по преподаванию истории, оценке знаний учащихся, сдающих экзамены, а также по разработке учебников и реализации учебной программы.

Иллюстрация №1. Обложки учебников истории для средней школы.

Иллюстрация №2.
Стандарты учебной программы по истории для средней школы 2017).

половины XIII века,
IV и до конца XVII столетия. Материал сопровождается иллюстрациями¹.

9-й урок второй части в разделе «Капиталистическая революция и определение капиталистической системы» посвящён отмене крепостного права и другим Великим реформам 1860 – 1870-х годов в России, а также их результатам². В уроке 15 второй части «Победа русской Октябрьской революции и практика социализма в СССР» описаны Февральская революция, Октябрьская революция, их процесс и значение, а

Учебник истории 2019 года состоит из пяти книг: «Изложение истории Китая и зарубежных стран» (中外历史纲要) (две части), «Государственный строй и социальное управление» (国家制度与社会治理), «Экономика и социальная жизнь» (经济与社会生活), «Культурный обмен и распространение» (文化交流与传播). История России в учебнике «Изложение истории Китая и зарубежных стран» отражена во второй части.

3-й урок во второй части, в разделе «Европа в средние века», представляет собой краткий обзор истории – от Киевской Руси, начиная с IX века до первой Московского княжества, времени Ивана IV и до конца XVII столетия. Материал сопровождается иллюстрациями¹.

Иллюстрация №3.
Портрет Ивана IV.

¹ Учебник по истории для учеников старшей школы «Изложение истории Китая и зарубежных стран» (вторая часть). Пекин: Изд. Народного образования. 2019. С. 19.

² Учебник по истории для учеников старшей школы «Изложение истории Китая и зарубежных стран» (вторая часть). С. 53.

также военный коммунизм, новая экономическая политика и сталинская модель социализма, включая её основные элементы и последствия. В учебнике представлен иллюстративный ряд, наглядно описывающий период Октябрьской революции и строительства социализма в СССР³.

18-й урок второй части «Холодная война и эволюция международной геополитики» посвящён истории холодной войны между США и СССР. Тексты состоят из трех частей: «Холодная война и биполярная система», «Развитие холодной войны», а также «Распад биполярной системы». Во введении описываются причины формирования биполярной системы, а также проявления последствий холодной войны, в том числе первый Берлинский кризис. Текст сопровождают различные иллюстрации, в том числе сцены танкового противостояния США и СССР во время второго Берлинского кризиса, диаграмма противостояния НАТО и ОВД, Кубинский ракетный кризис, логотип 16-го саммита Движения неприсоединения.

Иллюстрация №4. Диаграмма противостояния НАТО и ОВД.

● **Кубинский кризис**
 1962年10月，美国国务卿尼克森和苏共第一书记赫鲁晓夫在柏林举行会谈，讨论古巴导弹危机。美国国务卿尼克森和苏共第一书记赫鲁晓夫在柏林举行会谈，讨论古巴导弹危机。美国国务卿尼克森和苏共第一书记赫鲁晓夫在柏林举行会谈，讨论古巴导弹危机。美国国务卿尼克森和苏共第一书记赫鲁晓夫在柏林举行会谈，讨论古巴导弹危机。

Иллюстрация №5. Диаграмма противостояния НАТО и ОВД.

20-й урок второй части «Развитие и перемены в социалистическом государстве» рассказывает о развитии СССР, реформах рубежа 1980 – 1990-х годов и о распаде этого государственного образования.

³ Учебник по истории для учеников старшей школы «Изложение истории Китая и зарубежных стран» (первая часть). С. 89-94.

Другие тексты учебника в контексте изложения истории Китая и зарубежных стран также касаются России. Так, в 14-м уроке, в первой части, в разделе «Расцвет и кризис династий Цин», упоминается, что в 1689 году две страны подписали Нерчинский договор, определивший отношения между двумя государствами⁴.

Иллюстрация №6.
Республики СССР
(11 марта 1990 – 16 декабря 1991 года).

В уроке 24 первой части – «Победа в Японо-китайской войне» – описывается, как 9 августа 1945 года советская армия вошла в северо-восточный Китай и вместе с китайской армией и китайским народом быстро уничтожила японскую Квантунскую армию⁵.

В уроке 26 первой части – «Основание КНР и переход к социализму» – повествуется о том, как с основанием КНР были установлены дипломатические отношения с СССР, Болгарией и десятью другими странами народной демократии⁶.

В уроке 14 второй части – «Первая мировая война» – рассказывается о победе Октябрьской революции 1917 года и о выходе России в 1918 году из мировой войны⁷. Урок 17 второй части – «Вторая мировая война и формирование междуна-

⁴ Учебник по истории для учеников старшей школы «Изложение истории Китая и зарубежных стран» (вторая часть). С. 78.

⁵ Учебник по истории для учеников старшей школы «Изложение истории Китая и зарубежных стран» (вторая часть). С. 144.

⁶ Учебник по истории для учеников старшей школы «Изложение истории Китая и зарубежных стран» (вторая часть). С. 158.

⁷ Учебник по истории для учеников старшей школы «Изложение истории Китая и зарубежных стран» (первая часть). Пекин: Изд. Народного образования. 2019. С. 85.

ного послевоенного порядка» – представляет события переломного момента Второй мировой войны, в частности – победу Красной армии в Сталинградской битве⁸.

Во введении к уроку 22 второй части – «Многополярность мира и экономическая глобализация» – упоминается, что в 1999 году наиболее сильные в экономическом отношении страны мира, такие как США, Великобритания, Россия, Китай и др., сформировали «большую двадцатку» (G20)⁹. Урок 23 второй части – «Пути мирного развития и взаимовыгодного сотрудничества» – знакомит учащихся с Россией как членом ШОС и страной БРИКС¹⁰.

Факультативное изучение истории России

На факультативных уроках история России присутствует в малых объёмах. В учебнике «Государственный строй и социальное управление», в 6-м уроке упоминается события Крымской войны 1853 – 1856 годов¹¹. В 14-м уроке «Современная китайская дипломатия» говорится о том, что 14 февраля 1950 года в Москве был подписан советско-китайский «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи»¹². В 18-м уроке «Социальное обеспечение в мире» описывается система социального обеспечения, существовавшая в СССР¹³.

⁸ Учебник по истории для учеников старшей школы «Изложение истории Китая и зарубежных стран» (первая часть). С. 103.

⁹ Учебник по истории для учеников старшей школы «Изложение истории Китая и зарубежных стран» (первая часть). С. 133.

¹⁰ Учебник по истории для учеников старшей школы «Изложение истории Китая и зарубежных стран» (первая часть). С. 140.

¹¹ Учебник по истории для учеников старшей школы «Государственный строй и социальное управление». Пекин: Изд. Народного образования. 2020. С. 35.

¹² Учебник по истории для учеников старшей школы «Государственный строй и социальное управление». С. 79.

¹³ Учебник по истории для учеников старшей школы «Государственный строй и социальное управление». С. 107.

В учебнике «Экономика и социальная жизнь», в 6-м уроке, рассказывается о запуске в СССР первого в мире искусственного спутника Земли¹⁴. В 4-м уроке учебника «Культурный обмен и распространение» учащихся знакомят с русской культурой, например, с архитектурными стилями и эпической поэмой «Слово о полку Игореве»¹⁵. В содержании 12-го урока упоминаются мемуары «Былое и думы» русского писателя и общественного деятеля А.И. Герцена¹⁶.

Итак, история России в учебнике по истории для средней школы в значительной степени ориентирована на эпоху, начиная с 1917 года, в частности, на события Русской революции, этапы развития СССР, его участие во Второй мировой войне, на особенности строительства советской экономики СССР, на перипетии холодной войны. О китайско-российских отношениях сказано мало, в основном речь идёт об установлении дипломатических отношений между Китаем и СССР и об изучении Китаем советского опыта.

Исходя из этого, образ России в учебниках истории можно увидеть в трёх аспектах: исторический образ страны в целом, образы главных деятелей российской/советской истории и образ России в её отношениях с Китаем.

Исторический образ страны формируется под воздействием меняющихся исторических обстоятельств. В девятнадцатом веке и вплоть до 1917 года Россия предстаёт типичным феодальным государством, с относительно неразвитой капиталистической экономикой, но с точки зрения культуры – синонимом процветания и великолепия. Отражённый в учебниках советский период даёт образ народа, совершившего революции,

¹⁴ Учебник по истории для учеников старшей школы «Экономика и социальная жизнь». Пекин: Изд. Народного образования. 2020. с. 30.

¹⁵ Учебник по истории для учеников старшей школы «Культурный обмен и распространение». Пекин: Изд. Народного образования. 2020. с. 24.

¹⁶ Учебник по истории для учеников старшей школы «Культурный обмен и распространение». С. 70.

с оружием восставшего против царской диктатуры, борющегося за мир и установление демократического правления, являющегося главной силой в антифашистской войне. А после Второй мировой войны, СССР трактуется как единственная сверхдержава, способная соперничать с США, но при этом неравномерно развитая в экономическом плане. Постсоветский образ России рисует страну, по-прежнему обладающую военной мощью, которую невозможно игнорировать.

Образы главных великих деятелей России – СССР представлены В.И. Лениным и И.В. Сталиным. Ленин трактуется как основатель социалистического государства, а Сталин как его строитель.

Образ России в контексте отношений с Китаем на протяжении 1917 – 1991 годов интерпретируется зачастую неоднозначно. После распада СССР этот образ обрёл устойчивые черты стратегического партнёра на фоне развивающегося сотрудничества двух стран.

Бай Сюэ,
*аспирант департамента истории и археологии
Дальневосточного федерального университета,
старший преподаватель Хэйхэского университета.*

Учебники истории в России и Китае: сходства и различия

Учебник является основным средством обучения, с помощью которого реализуются цели учебной программы, а учащиеся овладевают содержанием того или иного учебного предмета. В настоящее время (2022 год) в китайских школах используют единую версию учебников по истории. Однако до реформы учебных пособий каждая провинция использовала свои учебники по истории – существовало несколько версий подобных учебников. Старая программа по истории в высшей средней школе включала три основных учебника: «Древняя история Китая», «Современная история Китая», «Всеобщая история».

Новая программа по истории для старшей школы составлена под влиянием новой образовательной концепции и по сравнению со старой версией имеет значительные преимущества:

1. В отличие от учебников старой программы новые учебники по истории для высшей средней школы, выпущенные издательством «Народное образование», излагают информацию по китайской и зарубежной истории в виде различных «модулей» и «тем». Новая версия включает пять основных учебников: «Обзор китайской и зарубежной истории» (2 тома), «Национальная система и социальное управление», «Экономическая и социальная жизнь», «Культурный обмен и общение».

Эта программа достаточно актуальна и позволяет избежать простого дублирования курса истории, которую изучают в средней школе (7 – 9 классы). Таким образом, программа

по истории для высшей средней школы способствует углубленному пониманию учащимися контекста исторического развития в политической, экономической, идеологической и культурной областях. А также способствует развитию способностей школьников устанавливать причинно-следственные связи, повышению умения оценивать и всесторонне анализировать проблему, расширению глобального исторического видения. К тому же помогает генерировать эмоциональный и ценностный отклик.

Одним словом, данные учебные пособия могут помочь учащимся проследить взаимосвязь общей ситуации и ситуации на местах в историческом контексте и рассмотреть то или иное событие с разных точек зрения, понять внутреннюю связь между историей и реальностью, Китаем и миром¹.

2. В новом издании учебных пособий тщательно подобрано большое количество иллюстраций и карт, визуальный и текстовый материал хорошо сочетаются². Как наглядный учебный материал иллюстрация представляет собой важную часть учебных пособий. Она играет незаменимую роль в обогащении содержания учебных текстов, делает обучение более ярким и помогает учащимся лучше понять и усвоить материал. В то же время изображения можно использовать для создания ситуаций, которые помогут учащимся осуществлять наблюдения и практические исследования, дабы научиться самостоятельно мыслить и достигать целей обучения в процессе анализа, обсуждения, сравнения и обобщения.

3. Учебник истории для старших классов новой версии воплощает в себе новую образовательную концепцию, ориен-

¹ Ци Шутон. Предварительное сравнение учебников истории издательства «Народное образование» и издательства «Юэлу» для средней школы // Педагогические научные исследования. 2008. № 2. С. 35-38. 齐树同. 人教版与岳麓版高中新课程《历史》实验教材(必修 I)的初步比较. 教育科学研究. 中国.

² Лу Чжунэн. Обзор четырех комплектов новых учебников истории для старших классов // Новая учебная программа: комплексное издание. 2007. № 7. С. 76-78. 吕准能. 四套高中历史新教材管窥. 新课程: 综合版. 中国.

тирующую на изменение способа преподавания и обучения, дабы создавать необходимые предпосылки для самостоятельного обучения учащихся³. В новом модуле события прошлого преподносятся как история, доступная пониманию и принятию, что заменяет слишком абстрактное, теоретическое и неясное изложение материала в учебных пособиях прошлого и преуменьшает значение «академического и профессионального», берущее начало из программы средней школы. В учебных пособиях новой программы также отражается ориентированность на ученика, присутствуют фокусировка на процессе и методах обучения, акцент на совместное исследовательское и индивидуальное обучение. Кроме того большое значение придается эмоциональному аспекту в образовательном подходе и ценностному воспитанию студентов⁴. Кроме того, в приложении к учебным пособиям есть рекомендуемый веб-сайт для изучения истории, который помогает учащимся использовать богатые ресурсы сети и развивать свои способности к самостоятельному обучению.

4. Оценка исторических событий и персонажей в новой редакции учебников более объективна, встречаются ситуации, в которых оценка одного и того же исторического события изменяется и развивается, что проявляется в трех вариантах: снятие оценки, поворот оценки, корректировка оценки⁵.

Традиция придавать большое значение историческому

³ Ли Ху. Мнения о преобразовании учебников истории // Новое исследование учебной программы. 2009. № 21. С. 20–22. 李虎.历史教科书转型刍议.新课程研究. 中国.

⁴ Ма Цзинъюнь. О тенденциях развития учебников истории для средней школы // Успех: образование. 2008. № 4. С. 133-134. 马璟芸.从“教本”到“学本”——论中学历史教科书的发展趋向.成功:教育. 中国.

Цянь Пэйцинь. Социологическое исследование по оценке и сопоставлению исторических фактов в учебниках истории для старших классов. Издательство «Народное образование». Преподавание истории: издание для средней школы. 2009. № 11. С. 46-48. 钱佩芹.人教版高中历史教科书史实评价比较的社会学研究.历史教学:中学版. 中国.

образованию имеет место как в Китае, так и в России. Что касается учебников по истории, то здесь наблюдаются и сходства, и различия.

Самое большое сходство между китайскими и российскими учебниками истории заключается в том, что они активно пропагандируют патриотизм и нацелены на воспитание у учащихся национальной гордости и сплоченности посредством исторического образования и воспитания любви к Родине.

Есть и другие сходства:

- в содержании исторического образования все внимание сосредоточено на изучении истории страны и мира и развитии у учащихся международного видения;

- в процессе составления учебников по истории обе страны уделяют внимание цитированию большого количества исторических материалов для достижения эффекта «дискуссионной истории»;

- в процессе преподавания истории учащиеся становятся основным учебным материалом. С точки зрения эффективности обучения, в учебнике задано много вдохновляющих молодое поколение вопросов;

- в оформлении учебных материалов используются яркие цвета, которые должны привлечь внимание учащихся.

Но существуют и различия между китайскими и российскими учебниками истории.

Во-первых, сами стандарты написания учебников по истории в наших странах разные. В Китае это «одно основное руководство с несколькими книгами» – при единой главной программе. Следует сказать, что основное содержание учебников истории одинаково в каждом регионе Китая, но фактическое положение таково, что территория обширна, а уровни развития образования различны и несбалансированы. Поэтому, хотя стандарты учебных программ и играют определенную роль в содействии унификации национального образования, они также вносят определенные трудно-

сти в процесс диверсификации построения учебников, что не позволяет добиваться подлинного разнообразия с учетом определенных особенностей и характеристик.

Единственная разница заключается в способе отбора событий и нарративов. Ситуация в России прямо противоположна той, что в Китае. Пока единого учебника истории нет, а новые учебники только апробируются и рекомендуются к использованию. В большинстве случаев школьные учителя истории самостоятельно решают, какие учебники истории использовать. Напротив, учебники по истории в Китае слишком унифицированы и не могут в полной мере удовлетворить потребности различных регионов, поэтому необходимо продолжать разработку и усовершенствование школьной программы. В России же, из-за отсутствия единого учебника истории, нередки случаи разных оценок одного и того же исторического события; использование разных учебных материалов приводит к тому, что учащиеся по-разному понимают историю. Поэтому для унификации понимания необходимо составление и использование единого учебного материала по истории.

Во-вторых, методы написания учебников истории различны.

В китайских учебниках истории на этапе обязательного школьного образования используется хронологический метод, то есть последовательное изложение общей истории, в то время как на этапе старшей школы за основу принят метод использования модулей и специальных тем, что нарушает предшествующий хронологический принцип. В России до сих пор используется хронологический метод. В Китае используется спиральный тип организации учебной программы, а в России – линейный. Следует сказать, что составление и изучение истории по спирали способствует большему проникновению и преемственности знаний. Недостатком является то, что повторное обращение к событийному материалу увели-

чивает нагрузку на учащихся и подчас заставляет учеников скучать. Тогда как при линейном типе построения программы нагрузка на учащихся хотя и снижается, но существует опасность возникновения пробелов в знаниях и недостаточной эффективности обучения.

В-третьих, порядок использования учебников и соответствующих исторических периодов также неодинаков.

Китай принимает за основу метод изучения истории от древнейших времен до наших дней, от истории Китая до истории внешнего мира. То есть сначала изучается история Древнего Китая, затем современная китайская история, далее – всемирная история, в то время как в России сначала изучается мировая история, а затем история страны с древнейших времен до наших дней.

В-четвёртых, несколько различаются и способы предоставления учебников учащимся. В Китае учебники выдаются каждому ученику по одному в руки. На уровне средней школы государство предоставляет их бесплатно, а старшеклассники должны покупать учебники самостоятельно. В России некоторым учащимся приходится покупать учебники самостоятельно, а некоторым учащимся учебники предоставляются местными органами власти бесплатно. Ученики также могут брать учебники в библиотеке и возвращать их после использования. Приветствуется переработка учебников. В этом вопросе нам следует поучиться у России, поскольку таким образом можно уменьшить финансовую нагрузку на учеников, повысить потребительскую стоимость книг, защитить окружающую среду и сократить вырубку деревьев.

* * *

История – это отражение жизни, а учебники по истории – отражение того, какую историю страна хочет передать следующему поколению. Под влиянием новой образовательной философии Китая, ориентированной на учащихся, новая серия учебников по истории для старших классов китайской школы

представляется более эффективной и актуальной, нежели учебники старой, дореформенной версии. Учебные пособия для современной школы, в частности, учебники по истории – это отражение идеологического прогресса и прогресса общества в целом.

В процессе сопоставления китайских учебников по истории с российскими выявлены определенные их сходства и различия, проанализированы плюсы и минусы выбора тех или иных методов, а также критериев отбора и построения материала, способов его изложения, оформления учебных пособий и общей концепции обучения на уроках истории. На основе материалов, представленных в данном докладе, считаем возможным и важным более глубокий анализ китайских и российских учебных пособий по истории в целях обмена опытом и дальнейшего совершенствования учебников по истории как компонента учебных программ и способа реализации основных целей эффективного обучения.